

Прекрасно однажды в России родиться!
В. Кортаев

№ 1 (23), октябрь 2021 Издание Вологодского регионального отделения общероссийской общественной организации «Союз писателей России»

Вологодской писательской организации – 60 лет!

Основателем Вологодской писательской организации является наш именитый земляк, известный русский поэт и прозаик А. Я. Яшин.

«...Без “яшинского” понимания патриотизма, гражданственности, жизни, может быть, не сложилась бы столь знаменитая и столь значимая для всей литературы России Вологодская писательская организация».

Сопредседатель Союза писателей России, лауреат Государственной премии России С. Ю. Куняев

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ ПРАВЛЕНИЕ

В Вологодскую областную писательскую организацию,
председателю Карачёву М.И.

Уважаемый Михаил Иванович!

Правление Союза писателей России поздравляет вологодских писателей и читателей с юбилеем областной писательской организации.

Для чего она в своё время, в 1961 году, создавалась? Сами вологодские писатели считали тогда и считают теперь, что региональное отделение Союза писателей России в Вологодской области создано для активного участия писателей в духовной жизни общества, для установления и развития контактов с другими творческими союзами и общественными организациями.

За 60 лет своего существования вологодские писатели прославили родную вологодскую землю, как может быть никто другой в эти годы. Они внесли великий вклад в русскую литературу и культуру. Многие изменились в последние три десятилетия в России, но ещё на слуху имена Василия Белова, Николая Рубцова, Александра Яшина, Сергея Орлова, много лет прожившего в Вологде Виктора Астафьева.

Сердце радуется, что из той плеяды замечательных и великих живёт и творит в Вологде Ольга Александровна Фокина.

В наши дни вологодские писатели много делают именно о сохранении памяти о своих предшественниках. В последние годы удачно проводятся в Вологде литературные конкурсы для молодых писателей. Газета писательской организации «Вологодский литератор» до сих пор очень востребована.

Желаем вологодским писателям крепкого здоровья и творческого вдохновения.

Председатель правления Союза писателей России

Николай Иванов

Уважаемые друзья!

Поздравляем вас со знаменательной датой – 60-летием со дня создания Вологодского регионального отделения Союза писателей России. Образованная 25 июля 1961 года писательская организация стала центром притяжения молодых литераторов и местом сосредоточения мастеров художественного слова Вологодчины. Вологодская земля – родина и место творчества выдающихся деятелей литературы, оставивших глубокий след в народной душе. Вологжане чтят и помнят имена талантливых литераторов, представителей творческого расцвета организации 60–80-х годов прошлого столетия, благодаря которым Вологодская писательская организация в начале XXI века считалась одной из самых сильных в России: В. П. Астафьев, В. И. Белов, С. В. Викулов, В. В. Гура, В. В. Дементьев, В. В. Кортаев, В. А. Оботуров, С. С. Орлов, А. А. Романов, Н. М. Рубцов, О. А. Фокина, С. В. Чухин, А. Я. Яшин. Особого внимания заслуживают и наши современники: Р. А. Балакшин, А. К. Ехалов, В. М. Мишенев, И. А. Никитина (Чурбанова), Н. П. Сидорова, А. А. Цыганов, достойно продолжающие творческие традиции предшественников. И сегодня, ежедневно проявляя свою гражданскую позицию, оставаясь неравнодушными к увековечению и сохранению памяти и литературного наследия вологодских писателей, вы активно поддерживаете и укрепляете культурную жизнь

Вологодчины, сохраняете литературное наследие нашего региона и России в целом. Юбилей Вологодского регионального отделения Союза писателей России – значимое событие в культурной жизни Вологодчины. Ваш труд, направленный на развитие и сохранение отечественной литературы, по праву заслуживает особого внимания всех поколений читателей. Пусть вдохновение никогда не покидает вас, ваше литературное слово всегда находит отклик в сердцах, не оставляя равнодушными читателей. Крепкого здоровья, благополучия вам и вашим семьям.

Правительство Вологодской области

*Председателю правления Вологодского регионального
отделения общероссийской общественной организации
«Союз писателей России»
Карачёву М. И.*

Уважаемый Михаил Иванович!

Поздравляю Вологодское региональное отделение общероссийской общественной организации «Союз писателей России» с 60-летним юбилеем!

Вологодская земля отличается богатым культурным наследием, в том числе и в области литературы. С середины 1960-х годов литературная Вологда обрела свои подлинные очертания и духовно-творческие ориентиры. За период существования организации писателями и поэтами Вологодчины создано множество знаковых художественных произведений, получивших широкую читательскую известность. Представители Вологодского регионального отделения Союза писателей России заслуженно отмечены высокими профессиональными званиями и наградами. Отрадно, что и сегодня писательская организация продолжает традиции, заложенные ее основателями. Подтверждая их духовные и нравственные ориентиры, она не забывает при этом ставить перед собой новые цели, исходя из сегодняшних реалий и перспектив. Выражаю слова благодарности за то, что вы обогащаете культурную жизнь города и региона, открываете живому художественному слову дорогу в современную литературу, помогаете талантливым вологодским литераторам обрести своего читателя. Уверен, что ваши работы найдут живой отклик в сердцах людей и подарят радость от встречи с лучшими произведениями литературного искусства. Желаю региональному отделению Союза писателей России новых творческих идей и проектов.

Мэр города Вологды С. А. Воропанов

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Комитет Вологодского областного отделения Коммунистической партии Российской Федерации сердечно поздравляет вологодских писателей с 60-летием Вологодской писательской организации.

Вологодчина всегда была богата литературными именами национального значения. Произведения вологодских мастеров слова – Николая Рубцова, Василия Белова, Александра Яшина, Сергея Орлова, Ольги Фокиной и многих-многих других известны по всей стране

и за рубежом. В самые трудные годы новой и новейшей истории вологодские писатели всегда были с народом, отстаивая интересы простого человека и труженика, являя своими творениями образец высокой духовности и правды. Новых вам творческих успехов и достижений, дорогие товарищи!

Александр Морозов, первый секретарь
Вологодского областного отделения КПРФ

Дорогие друзья – писатели Вологодского края!

С огромной, безбрежной благодарностью за Ваш вклад в развитие глубокой, подлинной русской литературы, верность традициям Отечества, поддержание наших духовно-нравственных ценностей поздравляю Вас с 60-летием организации!

Желаю доброго здоровья, благополучия, оптимизма, реализации всех намеченных планов!

Счастья Вам и дальнейших творческих свершений во благо родной литературы!

Лидия Довыденко,
главный редактор журнала «Берега»

Дорогие коллеги!

Сердечно поздравляем с 60-летием писательской организации!

Многие годы Вологодская писательская организация была одной из самых сильных в Советском Союзе. Имена Сергея Викулова, Сергея Орлова, Александра Яшина, Николая Рубцова, Василия Белова, Ольги Фокиной, Александра Романова, Виктора Кортаева навсегда останутся в золотом списке современной русской литературы. И сегодня у вологодских писателей есть большой творческий потенциал. Хочется надеяться, что областная власть поддержит писателей морально и материально, поможет литераторам реализовать свой творческий потенциал, что снова заговорят в полный голос литературные издания Вологодчины. Крепкого всем здоровья, отличного настроения, неизменного счастья и неограниченных возможностей для самореализации, что позволит обогатить современную русскую литературу новыми прекрасными произведениями и порадовать верных читателей самого разного возраста новыми замечательными книгами. И не сомневаюсь, что Вологодчина к таким международным брендам, как «Вологодские кружева» и «Вологодское масло» снова вернёт и бренд «Вологодская литература»!

**Редактор
альманаха «Врата Сибири»,
Председатель правления
Тюменского регионального отделения
Союза писателей России,
Секретарь Союза писателей России**

Леонид Иванов

В Вологодское отделение Союза писателей России,
в газету «Вологодский литератор»

Уважаемые вологодские писатели!

Искренне и от всей души поздравляем Вас с юбилеем Вологодской писательской организации и желаем вам крепкого здоровья, неизменных творческих удач и достатка во всем и всегда!

От имени коллектива редакции журнала
«Невский Альманах»
Главный редактор

Владимир Скворцов

Если на карте европейской части севера России мысленно пройти от Архангельска до Великого Устюга и Тотмы, через Вологду и Кириллов к Череповцу и Устюжне, далее через Белозерск и Каргополь к Онеге и обратно, — действительно, можно зримо увидеть непрерывную волнистую окружность, похожую на бусы, издавна так и называемую — «Северное ожерелье». В этом крупнейшем в стране естественном заповеднике бесценных памятников древнерусской культуры дольше, чем где-либо, сохранились прекрасные образцы живописи, художественные ремесла, изустные былины и песни, передававшиеся из поколения в поколение. А в вологодском направлении —

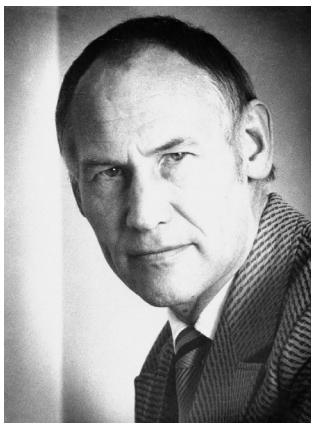
это и самобытный образ русской жизни, кроме прочего, запечатленный на века, как сказителями, так и самыми разными мастерами народных художеств, а еще — носителями красного слова — писателями.

Общеизвестно, что неразделимой частью именитого «Северного ожерелья» в своем крае является Вологодская писательская организация, одна из ведущих организаций в России, отмечающая ныне шестидесятилетие со дня основания, и изначально представляющая собой живой, корневой организм из народной среды, возникший, как явление народного самосознания, как заново творимая действительность в художественном слове.

«...ЕСТЬ ВОЛОГОДСКАЯ РАБОТА В БОЛЬШОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ»

Василий ОБОТУРОВ

Оботуров Василий Александрович (1938–2008) родился в Вологде. Имя критика, литературоведа и общественного деятеля В. Оботурова широко известно не только в Вологодской области, но и далеко за ее пределами. Предметом научных интересов Оботурова была современная литература, современный литературный процесс. Его перу принадлежат книги, монографические очерки о творчестве А. Яшина, С. Орлова, В. Кортаева, С. Викулова. Интересны и самобытны его статьи о творчестве В. Белова и С. Чухина, А. Романова и В. Ширикова. Им составлена и выпущена в свет книга о писателе-вологоджанине В.С. Белецком-Железняке. Особое место в творчестве Оботурова занимает рубцовская тема. Критик был лично знаком с поэтом и память об этом знакомстве, дружбе проходит через всё его творчество. Он — автор книги размышлений о поэзии Н.М. Рубцова «Искреннее слово». Им составлено восемь сборников стихотворений поэта, почти к каждому из них написано предисловие. В. Оботуров был составителем и редактором первой книги воспоминаний о поэте, которая явилась в свое время крупным событием в культурной жизни страны. Сразу после выхода книга стала библиографической редкостью. Значительна роль Оботурова в подготовительных мероприятиях и работах по сооружению и открытию памятника Н.М. Рубцову в Тотме (1985 год). С 1980 по 1985 гг., а также с 1990 по 1993 гг. Оботуров являлся ответственным секретарем Вологодской писательской организации; он — лауреат Всероссийской литературной премии «Звезда полей» имени Николая Рубцова.

ставалась перспектива, пока не ясная. Сложность заключалась в том, что в ту пору еще не определилось главное направление развития литературной деятельности вологжан.

Организация как единство писателей, связанных общностью идейно-художественных целей, сложилась не сразу. Те, кто ее начинали — Сергей Викулов и Виктор Гура, Виталий Гарновский и Виктор Гроссман, Иван Полуянов, Александр Романов, Аркадий Сухарев, — все они делали каждый свое дело, не всегда умея преодолеть грань провинциализма.

Учитывая это, надо признать, что основополагающую роль сыграл не тот формальный момент, что была учреждена новая писательская организация, а нечто иное — более содержательное. В 1961 году вышли в свет книги стихов А. Яшина «Совесть», С. Викулова «Хорошая будет погода», повесть В. Белова «Деревня Бердяйка», поэма А. Романова «Синие увалы» (позже названная «Художники») — вот где была заложена возможность развития, впрочем, не сразу осознанная.

Безоглядную откровенность, строгую и тем не менее необычную для человека зрелого, мы встречаем у Александра Яшина. Совесть для него — мера человеческих отношений, и в ряду с ней — искренность, внимание к ближнему, бескомпромиссная самооценка.

Не слабым слышу,
А в голос реву:
Туда ли плыву я,
Так ли живу?..
(«Переходный возраст»)

И Сергей Викулов видел определенную цель, направление своей работы — содействовать тому,

Чтоб даже в этом сельсовете,
В глуши медвежьего угла,
Плотинам,
спутникам,
ракете
Жизнь соответственна была!
(«По праву земляка»)

Книгу Яшина в «большой литературе» увидели, оценили ее необычность, викуловская прошла довольно скромно, а вот Белов и Романов остались незамеченными.

Между тем «Деревня Бердяйка» по-новому открыла реальный мир северной русской деревни в ее бытовом укладе, непростых проблемах, чистоте и ясной живописности народного языка. Впервые заявил себя в литературе взгляд самого крестьянина на деревню: не надрывно-согласительный, как у разночинцев, а понимающий. К этому взгляду не могло прийти даже работавшее в тридцатые годы первое поколение писателей из крестьян (на Вологодчине — А. Тарасов, А. Яшин).

Для них деревня не была еще источником непреходящих духовных ценностей — культуру они видели только в городе. Потребовались десятилетия, чтобы усомниться в критериях, ставших привычными.

Припомним наиболее заметные произведения о деревне начала шестидесятых годов: «Грачи прилетели» А. Андреева, «После свадьбы» Д. Гранина, «Войди в каждый дом» Е. Мальцева, «Занозу» Л. Обуховой, «Сыновний бунт» С. Бабаевского... Отрыв от реальных сельских проблем, ходульность характеров, надуманность конфликтов, схематизм, искусственность языка — вот свойства этих работ, сказавшиеся в каждой из них, в той или иной степени. Но критика, пусть и с кое-какими оговорками, принимала их всерьез — они определяли эстетический уровень литературы той поры. И кто де мог заметить непритязательную «Деревню Бердяйку» никому не известного автора?.. Тем более, вскоре хлынули в свет «звездные мальчики», своим шумом оглушившие и сбившие с толку немало и дельных критиков.

Не то ли же самое произошло и с поэмой А. Романова «Художники»? Что там утверждение ценностей народного бытового и трудового уклада, когда все рвется на великие стройки, дома за извечными делами жить не хотят, а в деревню если и едут, то за «старинной» — мода такая пошла!..

И пошла, и скоро была в разгаре мода на поэтов — литературные вечера в столицах собирают полные залы.

Так что же:

В столицах шум, гремят витии,
Кипит словесная война,
А там, во глубине России,—
Там вековая тишина...

И теперь, как сто лет назад при Некрасове, то же самое?

Поэтический «бум» вокруг молодой поэзии конца пятидесятых — начала шестидесятых годов, так же, как и ажиотаж по поводу молодежной прозы, в ту же пору начавшийся, до молодых писателей на Севере не дошли, а бурный рост художественных сил сложился в спокойных формах. В Вологде такой формой стало творческое сотрудничество литераторов разных поколений.

В самоопределении писательской организации велика оказалась роль Александра Яковлевича Яшина. Он часто приезжал к землякам, помогал им советом и делом, звал вырваться из областных рамок и способствовал этому.

Очень точно пишет о роли Яшина А. Романов, хорошо знающий жизнь писательской организации с ее первых дней. От него, от Яшина, «шли силовые линии, вычертившие облик целого писательского коллектива, сложивше-

• Окончание на 3-й стр.

Со временем сверяясь

Из хроники литературной жизни

...КНИГИ Белова стали неотъемлемой частью нашей духовной жизни, так же, как и лирика Николая Рубцова. Без имен Александра Романова или Ольги Фокиной тоже невозможно себе представить современный литературный процесс. А ведь еще в начале шестидесятых годов эти имена были никому неведомы. Тогда начиналась Вологодская писательская организация: она была учреждена 25 июля 1961 года на собрании литературного объединения. Начало же словесного искусства в нашем крае — гораздо глубже, в толще времени.

Начало — это песни, что исполнялись в хороводах на деревенских улицах, сказки, что звучали извечно в каждой избе. Это и Константин Батюшков, слагавший свои стихи в родовом Даниловском и Хантонове, и Василий Красов, и Павел Засодимский... Нет необходимости перечислять все имена, какими славна история литературной Вологды, — но тогда-то и закладывались традиции. Их исследованию в последние годы посвятили свои книги «Связь времен» (1985) Виктор Гура и «Вологодские давности» (1985) Вячеслав Кошелев.

Оживленной была литературная жизнь на Вологодчине в двадцатые—тридцатые годы, и после Великой Оте-

чественной войны она снова стала набирать силу. Выходят первые книги Сергея Викулова «Завоеванное счастье» (1949) и «Хозяева земли» (1950), Валерия Дементьева «Заре навстречу» (1950) и «Мои односельчане» (1952), повести Николая Тошкова «Чарома» (1946) и «Крутая волна» (1949), Николая Угловского «Наступление продолжается» (1950) и «Огни в Снежном» (1954), книги Виталия Гарновского «Полесники у костра» (1950), «Лесные рассказы» (1952). В 1949 году было создано областное литературное объединение, а в последующие годы состоялся ряд совещаний молодых литераторов. Все это активизировало литературную жизнь, способствовало раскрытию новых дарований. Велика была роль альманахов «Литературная Вологда» (1954–1958). На их страницах печатались и набирали силу те молодые поэты и прозаики, которые вскоре стали костяком писательской организации. Многие сделали для их становления и областное книжное издательство.

Первые книжки Александра Романова «Признание друзьям» (1956) и «Утренние дороги» (1958), Игоря Тихонова «Северянка» (1959), Бориса Чулкова «Щедрый дождь» (1960), В. Белова «Деревенька моя лесная» (1961) открыли новые имена. В их стихах был очевиден талант молодых поэтов, за ними чув-

• Окончание. Начало на 2-й стр.

гося из разных по дарованиям и столь единых по совестливому отношению к работе людей,— пишет Романов.— Праздная и конъюнктурная игра со словом в нашей среде осуждалась. Формалистическая мода — тоже. Уважалась глубокая добыча народного слова. И верность правде жизни. И внимание к ее болевым точкам. И страстное желание добра Родине».

Этим страстным желанием проникнуты и поэмы С. Викулова «В метель» (1955), «По праву земляка» (1958), «Преодоление» (1961), «Окнами на зарю» (1964), ставшие принципиально новым явлением в русской поэзии начала шестидесятых годов. К постижению сложности народного бытия приближается, воплощая образ самого близкого ему человека — матери, А. Романов в своих книгах «Сыновья любовь» (1963), «За морем березовым» (1965). Свежее дыхание народно-поэтической традиции приносит с собой в Вологду Ольга Фокина в книгах «Сыр-бор» (1963), «Реченька» (1965). От первых еще наивных юношеских впечатлений и порою поспешных выводов в сборнике «Экзамен» (1962) к осознанию неоднозначной сложности жизни через армейскую тему в книге «Мир, который люблю» (1965) идет Виктор Кортаев.

С книгой «Опять весна» (1962) выступает поэт Аркадий Сухарев, дебют которого состоялся еще в начале тридцатых годов — одновременно с первыми выступлениями Ярослава Смелякова и Бориса Ручьева; теперь он принес в поэзию некогда деревенского края рабочую тему. Публицистическое начало заявило себя в стихах Анатолия Гусева, переехавшего на родину из Прибалтики. Книга «Знаем вас!» (1963) Олега Кванина открыла читателям сатирика острого и социально мыслящего.

Прозе пока явно не хватает самобытности, далека она от реальных жизненных противоречий. С романами о Пушкине «Арион» и «После восстания» выступает в ту пору старый литературовед Виктор Гроссман, но при всей своей эрудированности не достигает живого ощущения прошлого, полнокровности характеров. Новые повести Николая Угловского «Обида» (1961) и «Подруги» (1963) тоже не стали событием — явления деревенской жизни отразились в них упрощенно, а характеры — схематично. Те же самые просчеты не позволили состояться роману И. Бодренкова «Искры не гаснут» (1963) о строителях Череповца. Над уровнем иллюстративности не смог подняться в своих рассказах из книг «Весной в половодье» (1962) и «Соседи» (1965) Н. Задумкин. Может быть, интереснее других прозаиков работал Иван Полуянов, выпустивший ряд книг для детей, но успех ждал его впереди, на новых путях. С первой крошечной книжкой рассказов «Орланы» (1965) выступил рабочий из Череповца Юрий Тарыничев, но он пока еще стремится в деревню, на природу, не умея рассказать о заботах горожанина.

Оживление литературной жизни сказалось в появлении новых дарований, в притоке молодых, хотя и тут все обстояло непросто.

В 1963 году появился коллективный сборник стихов «Крылья крепнут в полете», но далеко не все его авторы сумели состояться в поэзии. После книг «Северный ветер» (1962) и «Зеленая глубина» (1964) утратил творческий потенциал И. Тихонов. Единственной книжкой остался «Азимут» (1964)

Г. Крутова, поэта-рабочего (сборник «Кладка», позже опубликованный в Москве, был только переизданием).

Обильным на дебюты оказался 1966 год: тогда вышли в свет сразу четыре книги молодых писателей. Сборник стихов Леонида Беляева «Тополя роняют пух» радовал лирической открытостью и бесхитростным юмором. Повесть «Лешак», поднимающую серьезные проблемы лесоустройства, опубликовал А. Петухов. Наконец появились две публицистические книжки,— до этого только С. Викулов создал сборник очерков «Свежие пласты» (1963) в поисках позитивных решений деревенских проблем, а публицистика в периодике и коллективных сборниках не поднималась над традиционно газетным уровнем. В записках секретаря райкома комсомола «Дорога» Леонид Фролов брался за актуальные вопросы комсомольской жизни на селе, а журналист Александр Сушинов в книге лирических зарисовок и миниатюр «Деревенские окна» живописал современное село, радуя колоритностью наблюдений и яркостью языка.

и обязательно уважительное отношение к народной жизни. Интересно, что сам В. Белов не остановился на манере, найденной в этой повести, но, оставаясь собою, в каждой новой своей вещи ищет неизведанные пути. И эта способность учиться, гибко находить формы и способы отражения жизни, всегда отвечающие художественной цели и предмету изображения, тоже стала определяющей в литературной жизни края.

Неписанные нормы общения в кругу писателей Вологды с самого начала предполагали уважительное внимание друг к другу, взыскательность к молодым и поддержку их перспективных начинаний, интерес к исканиям каждого.

Показательно и то, что у нас есть немало многообещающих начинающих писателей. А резерв роста — это всегда свидетельство зрелости и силы любой организации. Дело, конечно, не в численности нашей организации, а в качестве литературной работы, в том, насколько полно и глубоко она отражает жизнь народную. И сейчас мы имеем возможность говорить о том, что работа писателей-вологжан с начала семидеся-

тем только раз», «Рябчики на завтрак»). Сатирический роман «Поющие глухари» о серьезных проблемах экономики и управления написал И. Ларионов. Своеобразные произведения о горожанах В. Шарыпова («Эхо из недалекого леса») и Р. Балакшина («Доброе время Карташова»).

Очерк всегда пользовался уважением в Вологде, но если раньше публицисты обращались только к жизни села, то теперь поиск развернулся гораздо шире. Конечно, проблемы развития Нечерноземья особо занимают наших писателей. Выходят коллективные сборники «От земли» (1976—1986), активна работа Дмитрия Кузовлева («Березуги», «Не поле перейти»), последователен в утверждении прогрессивных методов труда В. Степанов («Фабрики на селе»). Людмила Славолубова, сохраняя верность рабочему классу («Бег огня», «В этом непростом мире», «Звезды на болоте»), обращается в последнее время и к другим темам. Граждански остро, с художественным блеском выражают свое отношение к жизненным явлениям Василий Белов и Александр Романов, работая в публицистическом ключе.

Достижения поэзии очевиднее всего в книгах А. Романова «Красные тучи» и «Северные поэмы», О. Фокиной «Маков день» (удостоенной Государственной премии РСФСР им. Горького), «Полудница», «Буду стеблем», В. Кортаева «Перекаты», «Чаша», «Вечный костер». В них открывается не только глубинное знание жизни, но и значительный нравственный потенциал. С новыми книгами выступили Ю. Леднев («Деревенские куранты», «Яблоко мира»), С. Чухин («Ноль часов», «Стихотворения»), Л. Беляев («Освещенные окна мои»), А. Швецов («Северные заруби», «Деревенский дневник»).

Отрадно, что наши писатели активно сотрудничали с театром и в семидесятые годы создали своеобразные драматургические произведения. Пьесы «Над светлой водой» В. Белова идет в тридцати театрах страны, а в Вологде держала более трехсот представлений. Значительным явлением стали его пьесы «Районные сцены» и «Бессмертный Кошей». В театрах Вологды поставлены две пьесы В. Астафьева («Черемуха» и «Прости меня»). Пьесами «Всего два дня» и «Родные стены» дебютировал А. Грязев и продолжает настойчиво работать в драме.

Назвать даже немного из того, что создали в течение четверти века писатели-вологжане, очень трудно. Важно, что свой художнический поиск они ведут широким фронтом, не замыкаясь в кругу сугубо профессиональных интересов. Крепнут контакты писателей с художниками и театром, активно их общение с тружениками области — ежегодно проходят сотни писательских выступлений в колхозах и совхозах, на заводах и стройках. Литературные связи поддерживаются не только с земляками, но с широким кругом писателей. На дни литературы, посвященные А. Яшину, С. Орлову, Н. Рубцову, приезжали в Вологду многие видные писатели страны. Семинары молодых писателей тоже вызывают большой интерес литературной общественности.

Писатели-вологжане живут общими заботами и делами советской литературы. Жизнь народная лежит перед ними, открытая заинтересованному и непредвзятому взгляду. И все это — залог будущих успехов и достижений, появления новых книг, которых ждут наши читатели.

Со временем сверяясь

Из хроники литературной жизни

Происходит постепенное накопление сил в литературе, хотя они сосредоточены в основном на деревенском материале,— и в поэзии (она пока является ведущей), и в прозе. Первые итоги нового этапа литературной жизни в Вологде подвели в своих критических книгах Виктор Гура — «Из родников жизни» (1964) и Валерий Дементьев — «Поэзия и жизнь» (1962) и «Поэты от земли» (1965). Первый из них начинает отсчет с истоков и пишет не только о современниках, но и о предшественниках — П. Засодимском, В. Гиляровском, В. Красове. Другой рассматривает творчество ведущих поэтов-вологжан на фоне развивающейся поэзии России наряду с именами А. Твардовского, В. Федорова, А. Недогонова. Так обозначается целостная картина литературной жизни Вологды первой половины шестидесятых годов.

Обновление качества и поэзии и прозы, назревавшее подспудно, произошло чуть позже, взрывом.

Открывшись неожиданно в середине шестидесятых годов, талант Николая Рубцова остро дал почувствовать тот непреложный факт, что наряду с проблемами хозяйственными (которые отнюдь не противопоставлены поэзии) и политическими есть еще и духовная жизнь, открытая современнику в ее безмерной глубине. Конечно, это давным-давно известно, однако бывает, что в силу тех или иных общественных обстоятельств в живой практике искусства и аксиомы забываются,— тогда приходит время их напомнить. И потому книга «Звезда полей» (1967) стала этапной.

Несколько раньше такую же роль сыграла повесть Василия Белова «Привычное дело» (1966). С нею пришло отращивание схематизма, иллюстративного отражения жизни, тематического подхода к литературе. Утверждается чуткое

тых годов проявилась и в тематической широте, и в разнообразных жанровых формах, а в некоторых случаях достигла заметных успехов, ставших определяющими для современной русской литературы.

Наиболее очевидны наши достижения в прозе. Вслед за «Привычным делом» увидели свет «Кануны» В. Белова и его книга «Воспитание по доктору Споку», уникальна в своем роде книга очерков о народной эстетике «Лад». Наиболее плодотворным для В. Астафьева оказалось десятилетие его жизни в Вологде: здесь завершён «Последний поклон», написаны «Пастух и Пастушка», «Царь-рыба». Названные произведения встали в ряд заметных явлений современной русской советской литературы.

Написанные на историческом материале повести и рассказы Владимира Железняка, составившие книги «Голоса времени», «Лихолетье», «Зарницы над Русью» стали художественной летописью старой Вологды. Вслед за ним забытые страницы прошлого художественно осваивает Александр Грязев в книге повестей и рассказов «Чтобы свеча не угасла». Взаимоотношения человека и природы своеобразно раскрывает Иван Полуянов в книгах «Месяцеслов» и «Весна одна». С ним во многом смыкается Анатолий Петухов, опубликовавший книги для юношества «Сить — таинственная река», «Люди суземья», «Дай лапу, друг-медведь». Хорошие книги для детей написали также И. Полуянов («Седьмой патрон»), В. Елесин («Пятачок на берегу», «Кремешок»). Интересно работают на городском материале Владимир Шириков («Пятое время года», «Время надежд») и Владимир Степанов («Под одной крышей», «Приключения Букварева, обыкновенного инженера и человека»). Колхозники и рабочие лесных поселков стали героями книг Сергея Багрова («Портреты», «Жи-

Александр РОМАНОВ

Романов Александр Александрович (1930–1990) родился в д. Петряево Сокольского района Вологодской области. Окончил местную школу, затем Вологодский педагогический институт, позднее Высшие литературные курсы в Москве. Автор более двадцати книг стихов и прозы, из которых особо следует отметить книги «Русь уходит в нас», а также том «Избранного», составленный из лучших стихов поэта. Член Союза писателей СССР с 1959 года, А. А. Романов стоял у истоков создания Вологодской писательской организации. Одиннадцать лет он был ответственным секретарем организации, долгое время входил в приемную комиссию Союза писателей СССР. Именно при Александре Александровиче Романове Вологодская писательская организация

приобрела тот авторитет, который и сегодня позволяет ее считать одной из ведущих писательских организаций России.

НАРОДНЫЕ КОРНИ ЛИТЕРАТУРЫ

...ВОЛОГОДСКАЯ писательская организация с самого начала уже не была простым списочным, по воле случая, объединением литераторов, а являла собой живой, растущий, корневой организм из народной среды. Она, лучше сказать, не создавалась, а возникала в своем крае как явление народного самосознания, рождалась как заново творимая действительность в художественном слове.

Никогда не знали здесь нынешнего командировочного обычая — в поисках материала «спускаться в жизнь». Наоборот, в Вологду шли люди, одаренные выстраданным знанием жизни, чтобы «подняться» до умения воплотить пережитое в правдивое слово. В этом городе, помнящем Константина Николаевича Батюшкова, издавна веяло сильными просветительскими традициями.

Да и облик самого города, задумчивый и душевный, открывался перед взором как историческая былина. В изумительной деревянной красоте, в просторном и величавом древнем зодчестве светились исконные черты Руси. Родная природа да отечественная архитектура всегда первыми волнуют человека и внушают ему долго помнить, кто он, чей и откуда. Добавьте сюда услышанные в детстве предания, сопричастно пережитые перемены самой жизни, всю радость и горечь их, примеры терпеливого долга, картины труда, родительского обычая... Да, творческая почва здесь накапливалась десятилетиями. Под ней, к счастью, сохранились вековые пласты северорусской речевой, песенной, обрядовой, рукодельной культуры, из глубины времен мерцающие яркой самобытностью.

Поэтому можно сказать, что Вологодскую писательскую организацию (в самом широком смысле) рождала историческая память и необходимость утверждения ее для верного понимания бурной современности, для более разумного участия в новых социалистических преобразованиях. Отсветы этой памяти лежат на лучших книгах писателей многих поколений, вышедших из вологодского края и занявших свое достойное место в большой советской литературе.

...Литературную жизнь в Вологде после войны я хорошо помню. В 1947 году город, заполненный еще госпиталями, праздновал вместе с Москвой

свое восьмисотлетие. В педучилище, где я тогда учился, были вывешены специальные газетные выпуски, а в них напечатаны стихи Сергея Викулова и Валерия Дементьева. Много раз подходил я перечитывать стихи, вглядывался в каждую строку. Они удивляли меня тем, что такие звонкие, совсем-совсем настоящие, какие читал только в книгах, были, оказывается, написаны в эти дни и в нашем городе. Я сам уже писал вовсю, но совершенно о другом, и так и не показывал никому, кроме однокурсников и умного, доброго старого преподавателя литературы. Тогда я впервые понял, что в Вологде есть настоящие поэты и мне надо как-нибудь уж если не поговорить с ними, то хотя бы посмотреть на них.

Но увидеть их мне довелось лишь через год, когда поступил в педагогический институт. Я знал — они учились там. Потому так нетерпеливо и рвался на филфак.

Поступил, осмотрелся и с тетрадкой стихов робко постучался в кабинет, где ассистентом (подрабатывая во время учебы) был Сергей Викулов. Военная выправка, русый зачес на высоком лбу. Внимательный, озерный взгляд. Я в нем от растерянности потонул. Но этот взгляд помог мне выплыть, и я сел за стол рядом с Викуловым. Листая мою заветную тетрадку, он что-то черкал острым пером, время от времени взглядывая на меня, а потом сказал: «Ты — поэт».

В те праздничные для меня, студента, дни увидел я и Валерия Дементьева. Высокий, статный, с копной лихо зачесанных черных кудрей, он, чуть прихрамывая, шел по институтскому коридору — и во всю длину его у стен завороченно, зачарованно замирали студентки. Поначалу он показался мне совершенно недоступным, но вскоре я убедился, какой это шумно веселый, острый на слово, широкий на дружбу человек.

Если Сергей Викулов учил поэзии, исходя из будничной, окружающей нас реальной жизни, из точности и новизны передачи живых красок, деталей, образов, то Валерий Дементьев шел от опыта, уже накопленного до нас, воспитывал на примерах лучших строк отечественной литературы. Они хорошо дополняли друг друга и помогали институтским литкружковцам взглянуть

на сам предмет поэзии как бы двояко — снизу и сверху, чтобы в молодой душе закипело это двуединство и навсегда слилось в один принцип понимания художественного слова.

Приезжал в институт из Ленинграда Сергей Орлов, и это был огневой всплеск фронтовой поэзии. Коренной белозер, он являл собою чуткую талантливость северной русской стороны. По свидетельству своего односельчанина и друга Сергея Викулова, Сергей Орлов еще перед войной, в ранней юности, писал сильные стихи и на фронт ушел уже поэтом. Он так много сделал для роста Вологодской писательской организации — и когда был просто известным поэтом, и когда стал еще вдобавок секретарем правления Союза писателей РСФСР, — что имя его — в судьбе нашей.

Приезжал в институт из Москвы Александр Яшин. Это всегда было событием — праздником и уроком, дружеством и руководством. К нему тянулись все как к главному авторитету в литературе и как к самому надежному человеку в жизни. Не знаю, замечал ли это он сам, но он не создавал к себе такого отношения: ему это было незначем — он на войне коммунистом прошел огонь Сталинграда и Ленинграда, его фронтовые книги вошли в поэтическую летопись советского мужества, а за сборник «Земля богатырей» (1945) ему была присуждена премия ЦК ВЛКСМ как за лучшую книгу для молодежи. А вскоре, в 1949 году, он стал лауреатом Государственной премии СССР за повесть в стихах «Алена Фомина».

Припоминаю, как после премии Александр Яковлевич в вологодском кафе устроил банкет для земляков. Собрались журналисты, молодые пишущие люди, его здешние друзья. Яшин встал во главе стола, высокий, сухощавый, прямой. Он, видимо, опасался славословий, неизбежных по такому случаю и в такой обстановке, и сам решил сказать первое слово. Все затихли. Голос его, как всегда, был глуховатым, как бы простуженным, но резким в поворотах интонаций. Я сидел рядом и слышал даже характерное для него придыхание.

Яшин начал с того, что на войне погибало очень много талантливых, совсем молодых ребят. Многие из них непременно стали бы большими прозаиками и поэтами. Но своей гибелью они защищали те таланты, которые мы пока еще не знаем. Мы должны открывать их, помогать им и объединять воедино ради дружной работы в советской литературе. А потом, весело и зорко улыбнувшись, он добавил, что Вологда должна выручить литературу, что в силы Вологды он всегда верил и что пора начинать это дело серьезно и без всяких скидок...

И вот в том же 1949 году по инициативе обкома партии было созвано первое областное совещание молодых писателей. Руководителем на нем стал, конечно, Яшин. На совещание народ сошелся со всех сторон. Были здесь недавно демобилизованный Николай Угловский из Великого Устюга с рукописью первой повести «Наступление продолжается», Виталий Гарновский из Шолы с рассказами «Полесники у костра», Степан Морозов с повестью «Лес шумит», Александр Власов из пединститута с новыми баснями и многие другие с прозой и стихами. Дело тронулось. Было создано областное литературное объединение, председателем которого избрали Сергея Викулова.

Прошли еще два (1950, 1955) областных совещания молодых авторов. Это было время, похожее на весенний

разлив, когда бредут по широкой воде тонкие деревца, а их гнут и сшибают яростные льдины, и неизвестно, выстоят ли они в таком потоке, не сорвутся ли с корней и раскинут ли потом из набухших почек свою высокую и сильную зелень.

И опять из Москвы приезжал Яшин. А из Ленинграда — Сергей Орлов, Михаил Дудин, Константин Коничев, Леонид Хаустов, Вадим Шефнер. Доброе дело судьбу строит. Конечно, лишь несколько человек из тех «приливов» устояли в литературе, но многие стали настоящими журналистами: Александр Сушинов, Николай Задумкин, Валентин Сорокин, Николай Матвеев, Борис Ромодин, Валентин Амосов, Федор Голубев, Николай Кузнецов.

Но совещания совещаниями, а повседневная забота из года в год — на Сергее Викулове. Я бы так сказал применительно к будущей Вологодской писательской организации: основные опоры, венцы и расположение окон на народную жизнь первым заложил Александр Яшин, а стены и многие надежные крепления между ними — Сергей Викулов, а нам уж потом довелось достраивать это здание, обживать и утеплять его.

В поэзию двигалось уже новое поколение, яркими представителями которого были Василий Белов, Виктор Коротаев, Борис Чулков, Леонид Беляев. Оно, это поколение, оказалось, пожалуй, звонкоголосей предыдущего, что мне, работавшему в газете, было заметнее, чем многим другим, потому что через «Вологодский комсомолец» шел его поэтический прилив.

Так, я помню, как взволнованные корректоры газеты не сдерживали слез, вычитывая в номере маленькую поэму Василия Белова «Гармонь». Помню и многие литературные вечера, на которых Виктор Коротаев размашисто читал свои стихи, и зал одобрительно гудел. Удивляли неожиданностью и даже странностью появления оды (да, оды!) Бориса Чулкова о природе, о временах года и среди них — замечательная «Русская зима». Запомнились задорным юмором миниатюры Леонида Беляева. Уже привозил из глубины вологодского края свои первые прозаические опыты Анатолий Петухов.

Почувствовав общее оживление, набрали второе дыхание и литераторы старшего поколения. В Вологде оказался поэт Аркадий Сухарев, в тридцатые годы стремительно влетевший в поэзию вместе с Ярославом Смеляковым и Борисом Ручьевым (его первая книга «На подступах», 1932). Человек трудной судьбы, он много лет сторонился стиха, но будто разбуженный новым литературным движением, вновь взялся за перо, помолодел и выпустил три книги стихов — «Рукопожатие», «Опять весна», «Пульс». Его холодноватая, как бы выстроганная на станке поэзия являла собою незаурядную мастеровитость и решительную попытку войти и целиком раствориться в теме рабочего класса. Аркадий Сухарев первым в Вологде показал, как труден, но необходим этот путь.

Больше всего волновали нас нравственно-социальные проблемы, связанные с судьбой русской деревни. Быстро сменялись на селе разные перестройки, формы руководства, методы хозяйствования. Люди уходили на заводы (один Череповец сколько десятков тысяч взял прежних колхозников!), деревни старели, рушился вековой уклад крестьянского бытия. А там, в пустующих

• Окончание. Начало на 4-й стр.

избах, где мы когда-то родились, оставались одинокими наши матери-вдовы. Росы родной земли закипают в сердце слезами...

Об этом раздумывал Сергей Викулов в своих поэмах «В метель», «Трудное счастье», «Преодоление», а потом — наиболее мощно — в поэме «Окнами на зарю». Мы их обсуждали коллективно, горя тем же огнем, что и он. И тут не было никакого «вождизма», а чувствовалось лишь поэтическое влияние друг на друга. Но больше всего развивалось духовное взаимообогащение, взаимопомощь, идейное единство по главным вопросам народной жизни. Так было от собрания к собранию, от года к году, от книги к книге, то есть постепенно обозначались контуры серьезного художественно-идейного содружества многих людей.

Нам жизнь диктовала книги, и мы их писали, как могли. В эти годы выходит «Деревенька моя лесная» Василия Белова (1961), «Экзамен» Виктора Коротаева (1962), «Щедрый дождь» Бориса Чулкова (1960), мои сборники «Признание друзьям» (1956), «Утренние дороги» (1959), «Сыновья любовь» (1961), коллективный поэтический выпуск «Крылья крепнут в полете» и др.

Некоторые из нас уже печатались в центральных журналах, участвовали во всесоюзных и всероссийских совещаниях писателей, побывали в Ленинграде на дискуссии «Писатель и современность» и, самое главное, были приняты в Союз писателей СССР. Мы уже не чувствовали себя замкнутыми лишь в вологодских границах. Об этой опасности нам все время долбил Александр Яшин. Он всеми силами тащил многих из нас на всесоюзные «смотрины». Горячо вскидывая руки перед молодым, подающим надежды земляком, он вопрошал: «Где мысль? Дай свежую, глубокую мысль!» И все выше и выше поднимал на наших литературных стартах планку художественной зрелости.

И вот 25 июля 1961 года в обкоме партии состоялось памятное организационное собрание вологодских писателей. От правления Союза писателей РСФСР представителем был Н. А. Сотников, от Архангельска — Н. К. Жернаков, от Сыктывкара — Г. И. Торопов, от Петрозаводска — И. К. Симаненков. Доклад сделал В. В. Гура, заменявший С. В. Викулова в литобъединении в период его учебы в Москве, на Высших литературных курсах. С речью выступил секретарь обкома КПСС А. А. Сталь. Наутро областные газеты уже широко извещали читателей о том, что родилась новая творческая организация — Вологодское отделение Союза писателей РСФСР.

Первым ответственным секретарем Вологодского отделения Союза писателей РСФСР стал поэт Сергей Викулов. К этому моменту членами Союза писателей были: Виталий Гарновский, Виктор Гроссман, Виктор Гура, Иван Полуянов, Аркадий Сухарев, Николай Угловский и я. Вскоре (студентом Литературного института им. А. М. Горького) был принят в Союз писателей Василий Белов. Приехал в Вологду поэт Анатолий Гусев, родом из Устюжны... Забегая далеко вперед, отмечу, что в год двадцатилетия Вологодская писательская организация насчитывала в своих

рядах уже девятнадцать членов Союза писателей СССР.

Секретарскими делами Сергею Викулову долго заниматься не пришлось: его через некоторое время пригласили на работу в Москву, утвердили заместителем главного редактора журнала «Молодая гвардия». После его отъезда ответственным секретарем писательской организации избрали меня, и многие годы я занимался этим, в общем-то, стержневым делом объединения литературно одаренных людей. Время тебе уже не принадлежит, оно как бы переходит от тебя на других людей, но потом — вот единственная, щемящая сердце благодарность — возвращается к тебе обретением единомышленников и радостным размахом их молодых судеб.

После Литинститута в Вологду возвратился Василий Белов и приехала на постоянное жительство Ольга Фокина. Из армии пришел Виктор Коротаев, вскоре принятый в Союз писателей. Развернулся в работе Иван Полуянов (до этого живший в Архангельске, но здешний, нюксенский). Оживился Владимир Железняк — известный знаток культуры Севера, ставший членом на-

силе — «Весна» и «Кони». Потом мне однажды говорит: «Поеду к себе в Тимонику, надо написать повесть, пусть меня не беспокоят». Уехал и через месяц вернулся (я удивился: как скоро!) с рукописью повести «Привычное дело». Читал я — и слов у меня не было: то слезы наворачивались на глаза, то смех облегчал душу, то горькая боль саднила сердце, то все мое существо поднималось в ветровое российское небо. Стало сразу ясно: «Привычное дело» — корневая вещь, у нее долгая жизнь. Вскоре повесть была напечатана в журнале «Север», приобрела всесоюзную известность и бурный поток в печати отзывов, мнений, споров.

Дивно до сих пор то, что такие герои, как Иван Африканович из «Привычного дела», были и пока есть в каждой русской деревне. Многие писатели знали и видели их. Я, к примеру, могу указать на нескольких таких Иванов Африкановичей в своем Петряеве. Но ведь ни у кого из нас, кроме Белова, не обнаружилось того глубинного зрения, того вседушевого понимания, что в этом характере заложено так много национальных черт.

Работа шла непрерывная. Жар творческого состояния всей организации

НАРОДНЫЕ КОРНИ ЛИТЕРАТУРЫ

шего писательского союза. Вплотную к нам подступали молодые товарищи.

Творческий рост у каждого свой. В нем много загадок, да мало отгадок. И сам человек не объяснит, как это у него вдруг крепнет строка. Ведь в литературе количество написанного не всегда переходит в качество. Иной руку измозолит, а строка все жиже и жиже. И, глядя на своих товарищей, я понял тогда, что для общего роста коллектива, как живая вода, необходим зримый рост хотя бы одного-двух из них. Лишь в таком случае возникает дерзостное желание потягаться силами, поставить себе задачу выше обычной, посильной. Вся наша художественная немощь — от малости взятых задач.

И тут, как благо, возник пример Василия Белова. Он развивался настолько стремительно и мощно, что не успевали в него как следует и взглядеться. Я помню, как еще в Литинституте, отложив в сторону стихи, которые уже печатались в журналах (например, поэма «Комсомольское лето» в «Молодой гвардии»), он вдруг написал первую повесть «Деревня Бердяйка». Принес по-дружески почитать мне — я был поражен щемящей правдой изображенного. Он не поверил мне — дали почитать Сергею Викулову (все это было на Высших литературных курсах), впечатление такое же. Но у автора опять вроде бы сомнение в точности наших отзывов. Тогда — последняя инстанция — к Яшину. Александр Яковлевич празднично воссиял. И тут же предложил повесть в журнал.

А в Вологде Василий Белов создавал рассказ за рассказом, один лучше другого, среди них два потрясающих по своей исключительной художественной

поднялся намного выше. К этому времени родные тотемские места позвали к себе из скитаний Николая Рубцова.

Приехал он в Вологду (в начале шестидесятых годов) с потертым чемоданчиком, в котором хранились, пожалуй, одни стихи да маленький томик Тютчева. Помню, пришел ко мне домой — худощавый, скуластый, с зоркими, как жгучие точки, глазами. Застенчивый, тихий, но чутко оглядчивый. Огромный белый лоб и тревожные отсветы в лице. Ему захотелось надежной в жизни пристани.

Он поднимался во всю свою поэтическую высоту, и никто не скажет теперь, каких высот он мог бы достичь, поживи подольше. Он тоже являл собой немалую загадку. Внезапно куда-то исчезал, а потом шумно приезжал с новыми стихами, читал их охотно, выделяя плавным нажимом голоса и почти дирижерским взмахом руки едва уловимые и тончайшие интонационные и смысловые оттенки. Было слышно и видно, что его строкой управляет не только истинная поэзия, но и трагическая музыка. Не случайно иной раз Николай Михайлович, когда просили его почитать, брался за гармонь и напевал свои стихи, да так, что многие из них и впрямь становились песнями, похожими на народные, и долго потом беспокоили сердце своей беспощадной правдой.

В 1965 году в Северо-Западном книжном издательстве вышел первый небольшой сборничек его стихов «Лирика». А в 1967 году в издательстве «Советский писатель» была издана его книга «Звезда полей», сразу же ставшая знаменитой.

Рубцов с некоторой робостью относился к Василию Белову, с трогательным уважением к Ольге Фокиной, по-дружески ко мне, к Виктору Коротаеву, Борису Чулкову, молодому Сергею Чухину. На писательских собраниях он садился в старое кресло, в уголок, сосредоточенно молчал, а если говорил, то кратко и очень точно, почти афористически. Уже потом я горько пожалел, что протоколы наших собраний и обсуждений велись слишком лениво и скудно. Сколько умнейших высказываний Николая Рубцова пропало незаписанными!

А творческая обстановка между тем разнообразилась. Хорошо работала Ольга Фокина. Внешне спокойная, сдержанная, даже молчаливая, в стихах она оказывалась красноречивой и огневой. Слова, которые брала из сердца, становились народными словами. А может, наоборот: «простые звуки родины» рождали в ней слова самоцветные. Глубокая стихия народно-разговорного языка, именуемого в критике просторечным, для нее стала той глубиной, которую могут достать лишь немногие, а там-то, на золотом промытом песочке, и таится настоящая поэзия.

Книгу за книгой выпускал Виктор Коротаев — шел с молодой торопливостью, с лирическим беспокойством. Он только что вернулся с Высших литературных курсов, получил премию имени Фадеева на всесоюзном конкурсе за поэму «Славянка» и был полон новых сил.

Неторопливо, чуть отстраненно, но тщательно создавал книги о родной многострадальной природе и накапливал свой «Месяцеслов» Иван Полуянов. Креп в прозе Анатолий Петухов. Начинал серьезную работу в критике Василий Оботуров. К первым рассказам на «городские темы» подступал Владимир Шириков. Нашупывал свою первую тропинку Сергей Багров, медленно, но по-озерному чисто писал стихи Леонид Беляев и настраивал свой голос Сергей Чухин. Наши литературные вечера кипели от народа — желающих попасть не вмещал зал областной библиотеки.

Тут умер Яшин (1968). Его смерть потрясла нас. И эта боль из тех болей, над какой долго бьется время, чтобы утишить ее. Вместе с никольскими земляками и родными мы на белых льняных полотенцах пронесли по ржаному полю гроб выдающегося поэта на Бобришный Угор, к его рабочему домику, к любимым березам, где он завещал похоронить себя. В Москве, в Лаврушинском переулке, осиротела семья, а мы, его младшие товарищи и друзья, впервые дрогнули от ледяного холода. И почувствовали, что уже на наши плечи время перекладывает свой груз. Отныне все добрые заветы Александра Яковлевича Яшина оставались навсегда в нас самих, а его тревожной поэзии и острой прозе суждено было все глубже и все шире уходить в читающий народ.

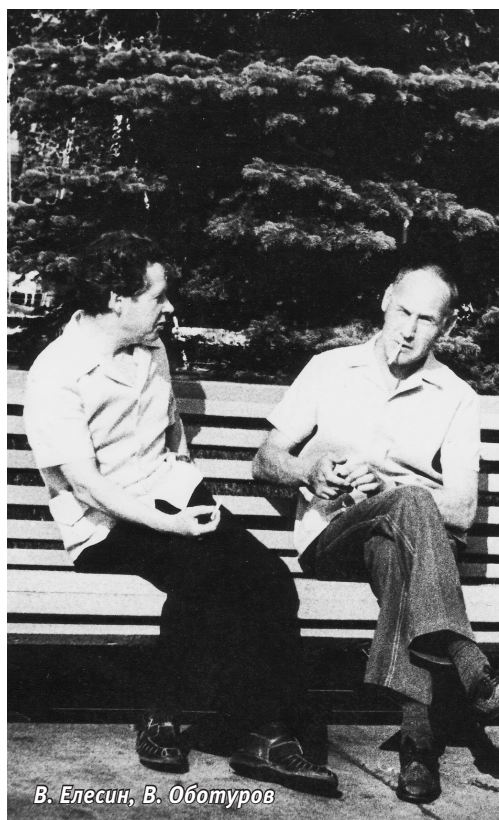
Двигается время, растут новые силы... Какой будет писательская организация в предстоящие годы — это во многом зависит от молодого поколения, от его духовной зрелости, от корневого в нем чувства преемственности и сознания, что никакой «вологодской школы» нет, а есть вологодская работа в большой русской литературе.

(Публикуется в сокращении)

Вологодскую писательскую организацию, основанную 25 июля 1961 года как составную часть Союза писателей РСФСР, в разные годы возглавляли: Сергей Викулов (1961–1964), Александр Романов (1964–1973, 1978–1980), Виктор Коротаев (1973–1978), Василий Оботуров (1980–1985, 1990–1993), Владимир Шириков (1985–1988), Сергей Багров (1988–1990), Александр Грязев (1993–

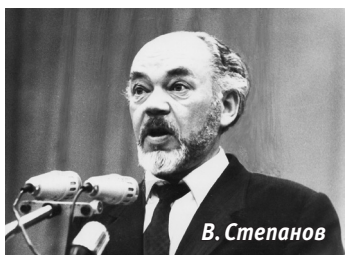
1998, 2002–2005), Роберт Балакшин (1998–2002). С 2005 года председателем правления является Михаил Карачёв. Сегодня действующее Вологодское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Союз писателей России» — Вологодская писательская организация — насчитывает в своих рядах тридцать человек.

ФОТОАЛЬБОМ «ВЛ»

В. И. Белов и С. М. Мишнев

В. Степанов

Р. А. Балакшин – номинант Патриаршей премии

Секретарь Союза писателей России Ю. В. Бондарев вручает Международную премию им. М. А. Шолохова В. А. Плотникову

Вологодские писатели на встрече с Митрополитом Вологодским и Кирилловским Игнатием

Вологодские и московские писатели на родине Н. М. Рубцова

Выездной Секретариат Союза писателей России в честь 75-летия В. И. Белова

Вологодские писатели на отдыхе

Награждение вологодских писателей памятным медалью к 200-летию М. Ю. Лермонтова

Участники Выездного Секретариата Союза писателей России. В нижнем ряду сидят слева направо: И. Д. Полуянов, А. С. Мартюков, В. Г. Распутин, Н. В. Груздева

В гостях у вологодских писателей Ст. Ю. Куняев и В. В. Личутин

Вологодские литераторы в Доме писателей на ул. Герцена, 36

Вологодские писатели на встрече в Законодательном Собрании Вологодской области

«Но и всё-таки матери-природа отстояла и выбрала нас...»

Ольга Фокина

* * *

...И была у меня Москва.
И была у меня Россия.
И была моя мать жива,
И красиво траву косила.
И рубила стволы берез,
Запасая дрова по насту,
И стоял на ногах колхоз —
Овдовевших солдаток братство.
И умели они запрячь,
Осадить жеребца крутого,
И не виданный сроду врач
Был для них отвлеченным словом.
И умели они вспахать
И посеять... а что ж такого?!
И — холстов изо льна наткать,
И нашить из холстов обновы!
Соли, сахара, хлеба — нет.
И — ни свеч. И — ни керосину.
... Возжигали мы в доме свет,
Нащепав из берез лучины.
И читали страницы книг,
Протирая глаза от дыма,
Постигая, как мир велик
За пределом избы родимой.
Но начало его — в избе,
В этой — дымной, печной, лучинной,
Где в ночи петушок запел
Без малейшей на то причины.
Мы хранили избы тепло,
В срок задвижку толкнув печную...
Неторопкое время шло,
Припасая нам жизнь иную.
И распахивались пути,
Те, которым мы были рады,
И, отважась по ним идти,
Мы стучали под своды радуг.
Сердце пело. Играла кровь.
Справедливость торжествовала.
И возвышенная любовь,
Словно ангел, меж нас витала.
И копились в душе слова,
И копилась в народе сила:
Ведь была у людей — Москва!
Ведь была у людей — Россия!

* * *

Ничего из себя мы не строим,
В нашем теле обычная кровь.
Мы пришли из некрасовских «Троек»,
Из некошених блоковских рвов.
Мы из тех, кто и предан, и продан,
И схоронен был тысячи раз!
Но и всё-таки матери-природа
Отстояла и выбрала нас,
Попримеривших стужу и нужу
На свои, не чужие, плеча,
Пуще тела жалеющих душу,
Пересиливших в песню печаль
Безысходную... в песню-кручину
Неизбывную! С песней живём:
Про лучину, про горьку рябину,
Про «На улице дождик...» поём.
Эти песни оркестров не просят:
Лишь вздохни, да, вздохнув, затяни —
Засливаются в хор подголосья
Многотысячной кровной родни.
В нарастающем песенном шквале
Не раззвать, не сравнить голоса,
Не услышать себя запевале:
Женской доли — одна полоса.
Пролетали с корнетами тройки,

Поезд с окнами мимо бежал,
А мужик после каждой попойки
Лишний хмель на тебе вымещал.
Что с того! Ты сносила побои...
Прикрывая клеймо синяка,
Ты сама оставалась собою:
Ты жалела его, мужика.
Ты жалела — да тем и держалась,
Ты терпела — да тем и жила:
Ведь от матери жалость досталась,
Ведь и бабка терпёлой слыла.
Что поделаешь! Тяжко не тяжело,
Что попишешь! Под дых не под дых —
Поднимайся: в одной ведь упряжке.
Не вдвоём — так одной за двоих.
Унижал он, а ты — возвышалась.
В землю втаптывал — ты поднялась!..
Только будь она проклята, жалость,
Что любовь заменить собралась!
Нам во все терпеливые годы,
Хоть какой из веков оживи,
Снилась Синяя Птица Свободы,
Золотая Жар-Птица Любви!
...Чем наш век от иных отличится?
Не во сне, Боже мой, наяву
Птица Синяя — тише — садится —
Не спугните — ... к рукам... на траву...

* * *

К восьми утра пробьется солнце
Сквозь восхитительный туман,
И запотевшее оконце
Поймает лучик, как в капкан.
И луч не будет вырываться,
И солнце в окна — целиком!
...И будет печь, топясь, стреляться
Горячим на пол угольком.
И буду я в горшке из глины
Мутовкой тесто подбивать,
И раскалённую калину
Для пирогов с куста срывать.
(В пирог и рыжики сгодятся,
Их у меня — уже ведро!
А всё, красавчики, родятся
Промеж маслят, — куда с добром!)
Куда с грибами, с пирогами,
С брусникой, клюквою — куда?
Отец и мама в чёрной раме —
Им ни к чему моя еда.
Но — здесь они! Они меж теми,
Кто Солнце, Звезды, Дождь, Туман,
Кто на сентябрьский день рожденья
Не опоздает, мною зван.

Михаил Карачёв

* * *

Я просыпался утром рано
И уходил косить траву
Туда, где рослые поляны
Сияли счастьем наяву.

В медовой чаше разнотравья
Цвели безвестные цветы,
Дышала утренняя тайна,
Парили запахи земли.

Разбуженные свистом стали
Моей размашистой косы
Шмели рассерженно взлетали,
Сбивая капельки росы.

Победно солнечные пики
Из перелесков гнали мглу,
Где раздавались гимны птичьи
Навстречу солнечному дню.

Избытком счастья жизнь искрилась
В родной забывчивой глуши.
И божий мир, как божья милость,
Вливался в мир моей души.

Владислав Кокорин

* * *

Они щедры на пепелища
России мрачные лета.
Когда не кровь течет — кровница,
И нет на вороге креста...

Нелегка ты, родная стезя,
Коли пепел летит на шеломы.
Коли кинули грады князья,
И холопы оставили дома.

Куликово ли поле в пыли?
То ли глазыньки застит от горечи?
Коли во поле том полегли
Все Добрыни, Ильи и Поповичи.

Коли вновь нам погибель пророча,
Чёрный воздух крылами пластая,
Поднимается стая за стаей
Воронье по славянские очи.

И все явственней, явственней помнится,
Время давнее ближе и ближе.
Вот я вижу Мамаеву конницу,
И сермяжное воинство вижу.

Мы идем в поредевших рядах,
Все теснее смыкаясь плечами,
С заклинанием на устах:
Нас не высечь кривыми мечами!

Василий Мишенёв

ГРИБНЫЕ МЕСТА

О чём молчишь, мой давний друг?
Вокруг тепло и много света!
Пускай с землей уже простилось лето,
Но далеко ещё до зимних вьюг!

Бери корзину и пойдем со мной,
Я покажу тебе места грибные,
Где грузди и волнушки расписные
Заманят так, что не уйдешь домой.

Я сам, когда брожу в лесу один,
За целый день не вспомню про усталость.
Как долго мне на родине осталось
Бродить среди берёз, среди осин?

Даст Бог, продлится наш короткий век,
Продлятся наши радости земные!
И пусть к себе зовут места грибные,
А день стоит, спокоен и высок!..

Александр Пошехонов

НА ЗНАКОМЫЙ ПОСПЕШУ ВОКЗАЛ

Породнился с Вологодой навеки,
В гости скрипки памяти зовут:
Дорогие люди-человеки
И сегодня в Вологде живут.

Плотникова мудрые речения,
Цыганова вещие слова...
Брошу всё и, будто по течению,
Поплывет седая голова.

Сердцем потеплев, душой оттаяв,
На знакомый поспешу вокзал...
В Вологде мне Виктор Кортаев
В творчество тропинку показал.

Не беда, что небо смотрит хмуро,
Хмурость пораздвину я плечом,
Вспомню, как чаевничал у Юры —
И ненастье станет нипочем.

По-рубцовски хлопну по карману —
Молодость восстанет, оживет:
Вновь приободрит меня Романов,
Чухин в путь-дорогу позовет.

Словно мать, тепло и скуповато
Фокина меня благословит,
И Белова голос глуховатый
Истиной бездонной отрезвит.

Вех моих, святых и сумасшедших,
Не сшибут безжалостно года...
Сколько же, живущих и ушедших,
В благодарном сердце — навсегда!

Породнился с Вологдой навеки,
В гости скрипки памяти зовут:
Дорогие люди-человеки
И сегодня в Вологде живут.

Сергей Созин

ТАЛИЦА

Я у речки Талицы
Тридцать лет спустя
Постою на мостике,
О былом грустя.

Вот на этом плотике
Полоскала мать.
Пузырьки на дожде
Я мечтал поймать.

Многое теряется...
Дом снесен давно.
В речке отражается
Прошлое одно.

Василий Ситников

Легкий дым ковылей над лугами,
Невесомая зыбь синевы,
Я касаюсь босыми ногами
Переполненной солнцем травы.
Ожигаюсь о глубь поднебесья
В растворенной в лучах тишине,
И какая-то светлая песня
Пробуждается тихо во мне.
Будто вместе с мирской укоризной
Опроверг роковую молву,
Оттолкнулся от всей этой жизни
И почувствовал вдруг, что живу.

Инга Чурбанова

Всё будет, как быть положено:
Не в молодости, так в старости.
...Трава умирать накошена,
А пахнет — медовой радостью.

Цветами и сладким запахом —
Уйти не спеши! — приковывает!
...Пока росла — жгла, царапала,
А скошена — лежит шёлковая...

Играючи ноги трогает,
И гладит, и шепчет ласково...

Пока росла — была горькая,
Скосили — и стала сладкая!

Скосили — и стала лёгкая,
Как в самой далёкой младости...
...Трава умирать накошена,
А пахнет — медовой радостью...

Николай Дегтерёв

Поведай грядущему миру
про светлое детство твое,
про муки призванья, и лиру,
и чем ты рискнул для нее.
Поведай о Родине, или,
вернее, о старом дворе,
где дерево в солнечной пыли,
с зарубками на коре.
Влюбленности воздух бесплотный
и трудный любви перегной
пусть в стих проникают свободный,
пусть выскажутся тобой.
Поведай о смерти, о горе,
о том, как печальны кресты,
о том, как не скрыться от боли
в присутствии пустоты.
Поведай о внутренней битве,
о самом тебе дорогом:
о вере скажи, о молитве,
о Боге, незримом, благом,
о том, что вот это — основа
и вечная участь души!..
...но только о главном — ни слова,
ни слова не напиши.

Геннадий Сазонов

Ещё дрожит твой нежный голос,
Хотя звонишь издалека...
В тебе вдруг сердце расколосось,
И любишь ты наверняка.
Как это можно? Жизнь промчалась
Среди борьбы, грехов и лжи.
И чудо это мне досталось —
Твой голос всё ещё дрожит...

Ольга Чернорицкая

Спроси-ка у рыжего стога,
Воткнувшего лоб в синеву:
Что снится старухе убогой.
Чем грезит она наяву?
Ее сторожил он, как филин,
Ее он укрыл и согрел,
Ее от морщин до извилин
Он понял, постиг, разглядел.
Повыстынет пар над дорогой —
Его не забудь, расспроси:
Что ищется этой убогой,
Что видится ей на Руси?

Андрей Лушников

Я знаю, где спрятано в чаще
Заветное место одно.
Там солнце в росинке дрожащей,
Там тени ложатся на дно,

Родник сберегая целебный.
Там целое войско маслят,
Берёзы там служат молебны
И тихие ночью стоят.

Над ними там в тучах одышка
Стихает лишь только к утру.
Там верю я, словно мальчишка,
Что я никогда не умру.

Юрий Максин

В маленьком-маленьком гнёздышке
крохотный птенчик живёт.
В этом же маленьком гнёздышке
птаха поёт и поёт.

Ветки от ветра качаются,
птенчику страшно порой.
Песенка матери мается
над золотой головой.

Маленький домик — над бездною.
Что его держит над ней?
Солнышко — силой небесною,
дерево — силой корней.

Волчья, а может быть, львиная
скалится пропасти пасть.
Жизнь — не такая уж длинная,
с песенкой может пропасть.

Маленький домик — пустеющий.
Время приходит, и вот —
птенчик, над бездною реющий,
песню поёт и поёт.

Наталья Сидорова

Опять на небесных угодьях
Пасутся созвездий стада,
И месяц купает поводья
В зеркальном покое пруда.

То клевером пахнет, то мятой,
А звезды дрожат на весу...
Люблю бесконечно и свято
Негромкую эту красу.

Не хочется сердцу расстаться
С землей, что не сыщешь милей!
Мне только б успеть надышаться
Привольем родимых полей!

А там, за неведомым где-то,
Мне помниться будет всегда
Сиреневый шелест рассвета
Над розовой гладью пруда.

Да будет по-прежнему сниться
Костер на крутом берегу,
Над лесом притихшим зарницы
И кони на мокром лугу...

Татьяна Бычкова

Пока стихи стекают мне в ладонь
Водою с неба и капелью с крыши,
Мне кажется, что я живу и слышу,
Мне кажется, что я — почти огонь.
Какой беззвучный и прозрачный хор,
Где музыка, как маленькое пламя,
Как маленькое огненное знамя,
Как маленький трепещущий костер.
Где музыка? Где вечная весна,
Где следующий шаг из этой бездны,
Где все, что мне казалось бесполезным,
Как будто было продолженьем сна?
Отчаянье... Печаль... Печенье с чаем...
И голос чайки, хриплый от тоски...
Безмолвной музыки стеклянные куски...
И разговор, похожий на молчанье.

К ПОЛУДНЮ, когда неповторимое для всех времён и народов плавсредство — наш вечно незаменимый «Курдюг», наконец, пришвартовался у набережной городского причала, тут уже от края до края ломануло, — разошлась, по-настоящему грохнула жара. С самой верхотуры пылко синело атласное, всюю раскалённое небо, лоснилось жёлтым снопом огненного светила, торчащего прямо над головой. Облупившиеся дома ярко двоились по обводной канала, напропалую отражаясь в бездонной водной глади, словно в сверкающем зеркале, а горечь и зной струились в вышину, искажая мерцающий от марева горизонт медовыми, извилисто-тающими струями.

И помимо воли казалось, что всякий мимо проходящий по набережной, как по волшебству, находится в некоем уютно защищённом, небесно-золотом слитке, откуда окружающее созерцалось ровно у только что родившегося, в райски-счастливым неведении божьего мира. А жгуче вспыхивающие янтарно-оранжевыми бликами озёрные просторы вполне впечатляюще завершали эту отчасти неправдоподобную, ослепительно-живую картину древнего края.

Не надо и семи пядей во лбу, чтоб даже со стороны было не отметить, — на глазок зацепить, что именно на набережной обводного канала, растянувшейся по всему береговому размаху, и кипела всамделишная жизнь уединённого патриархального городка. А над ним — грандиозным сооружением пятнадцатого века — возвышался вековечно-основательный земляной вал с первоначальной высотой до тридцати метров, да ещё с башнями и деревянными стенами поверху, каково с такой силой потягаться?..

Рядом неудержимо-пчелиным роем гудел на все лады разношёрстный рынок, похоже, торговавший днём и ночью без перерывов, круглосуточно. И уступающий своему областному собрату разве тем, что тот едва не постоянно обновлялся очередной уймой смуглоликих торговцев. Возможно, они всего лишь порой мигрировали оттуда сюда и обратно, готовые за деньги, не моргнув глазом, выполнить любую работу. С одним из таких, владельцем грузовика, обожжённым вовсе не северной стороной солнца, я наскоро и договорился о доставке скорбного груза к месту назначения, находящемуся за старинным военкоматским зданием.

Для этой печальной миссии у нас имелась казённая сумма, для пушей надежности время от времени проверяемая во внутреннем кармане форменного обмундирования. Пилигрим из бывшей братской республики и не артничался, лишь гортанно озвучил мои представительские расходы, жестикулируя при этом обеими руками. Да ещё на полностью застёгнутый у меня в этой парилке мундир глянул с неувлимым недоумением, впрочем, мигом сменившимся привычно-цепким взглядом.

А у нас всегда так, чтоб всё чин-чинарём было, как надо, без сучка и задоринки. Чтоб совсем как у деда, всё по-честному, коль я один в один их вылитая родовая. И мне, его последышу, тоже, как и самому деду, вечно до всего на свете дело было, с детства все уши пропели. Осталась теперь дома от него, фронтовика-добровольца, сгоревшего в сталинградском адовом огне, одна лишь фотокарточка, похожая на старый горчичник, — кто из нас горя не знал?

Работодатель из некогда братской республики оказался на редкость проворным, как тот самый, что един в трёх лицах: и швец, и жнец, и на дуде игрец. Зоновским же копаниям только и позволилось, что перенести с «Курдюга» почившего в кузов грузовика. И, само сострадание, даже выгрузку, где надо, на себя принял. Не обращая внимания на жару и огорчённо цокая, работодатель бегал вокруг машины и, закатывая глаза к небу, сам с собой разговаривал. По всему было видно, что он, главным образом, доволен удачно подвёрнувшейся работой.

Стало быть, мое вверенное сопровождение будет и далее на катерном приколе дружно довольствоваться солнечными ваннами, тем более ещё в посёлке все были своевременно снабжены положенным сухпайком, порядок есть порядок. У меня сразу как гора с плеч, с такими деятелями и без этого глаз да глаз нужен. А в нужный час и завершив своей командой всю похоронно-скорбную миссию, чтоб после, от греха подальше, ходом и обратно в места

хоть не «столь отдалённые», но зато уже привычные.

К этому моменту для отправки в областной изолятор конвойный передал обидчика Серёги Кожаного местным правоохранителям. По-прежнему ко всему безучастного, того стремительно водворили в машину, в каковой охнешь и ты, как не будет пути, и та, рявкнув сиреной, сразу исчезла с глаз долой. Почище, чем в дешёвом боевике; мало того, ещё тормозами на всю улицу взвизгнуло.

Смуглолицый машинный владелец вправду был хозяином слова: он не только споро доставил груз по назначению, но слетал в нужное помещение, соседствующее с основным больничным комплексом, откуда появился с таким же собратом, и они по крутым ступенькам стащили домовину с усопшим в подвальную низину. Но и на этом он не остановился, самостоятельно расширив свои полномочия: вызнал у патологоанатома время выдачи тела и вызвал его доставить Серёгу Кожевникова к месту последнего упокоения.

Нам оставалось лишь сообщить на борт «Курдюга», чтоб медик Боря-Тошнотик, позаглазно величаемый так за вечную сказку «Будем лечить или пускай живёт?»,

вый и последний раз месяцем раньше в глаза друг другу смотрели. На «свиданку» из областного центра к сыну приезжала. Комната для такого дела родственникам была в двух шагах от моего жилища в бревенчатом бараке, что находился через дорогу от дома самого начальника колонии с опознавательной-белой восьмёркой на крыше. Только при помощи этой отметки и обнаруживалась при необходимости зона: кругом дикая тайга, ни подъехать, ни подойти.

«Добрые люди сказали, — шагнула мне навстречу по деревянному тротуару мать безвременно усопшего Сергея Кожевникова, и я поразился тому, как можно так глядеть, вовсе не моргая. — Добрые люди всё рассказали, — опять же, не мигая, протяжно тянула женщина. — И я приехала сюда сразу с дежурства на «скорой». — Голос был глухой и невнятный, пустой, как из бочки. Даже показалось, что не она сама, а кто-то другой, безнадёжно больной, раздельно выговаривал слова вместо матери Кожевникова.

Не удержавшись, она прислонилась к штакетнику у причальной столовки с изображением на входной вывеске освежающе-минеральных напитков, непонимающе огляделась. Затем снова перевела на меня

Александр ЦЫГАНОВ

ПРОЩАНИЕ ДОВЕРЕНО МНЕ

(Из повести «Курдюг»)

с обоими копаниями прибыл в означенное время для погребальной церемонии, а мобильно-городская связь по сравнению с колониетской была безотказной. Дело получалось как на ладони, тогда с какой стати у человека в погонах опять не по своей воле на душе кошки скребли? Не оттого ли, может, что эта самая судьба взяла да сегодня для профилактики и погладила его против шерсти?..

А сверху так же, как и с утра, — всё белма белело перевёрнуто-раскалённым пространством, в известково-пылевидный порошок сушило само сущее своим чуждым всего житейского, беспощадным дыханием. У набережной в асфальтовой выбоине, ранее наполненной живительной влагой, лежала крупная ворона, растопырив крылья и безвольно раскрыв клюв, видимо, потерявшая чувство реальности. Точно на миг знаково явленный с изобразительного полотна доселе неведомого мастера, мир во вселенной замер маленьким одиноком ребёнком, ошибочно очутившимся у края неведомо-гибельной пропасти. А каковы ещё на свет божий объявились цветковые сполохи, что веерными зарницами метеоритно заскользили с оглохшей вышины и, касаясь земной тверди, мимолётным видением исчезали за горизонтом, как до сей поры никому не известная природная аномалия.

Может, тогда и нам самим уже всё это видится и кажется да против неба на земле в непокрытой улице куражится?.. Только на повороте у набережной — не обойти и не пройти — стоит ещё у тебя поперёк пути женщина в чёрном платке, на виду поджидает: горе её лыком подпоясало. Всё живое по дороге, что напротив кинотеатра «Балтика», как поедом выело, прочь жарой смело.

Вроде бы давно ли по этой белозерской набережной в пробеге бежал шукшинский Егор-Горе из «Калины красной»: «Ноги, мои ноги», — приговаривал он, стараясь избавиться от бдительно не отстающих правоохранителей, пока в отчаянии не воскликнул: «Да сколько же вас!»

Оказалось, даже больше, чем можно представить: всё было битком забито людьми на премьерном показе шедевра в этом кинотеатре, когда самим создателем картины были сказаны слова, а фактически гениально просто озвучено наше самовыживание: «Нам бы про душу не позабыть».

Взгляни-ка на меня: чтоб с места не встать, коли это неправда. Узнал я её ещё издали: мать это Серёги Кожевникова была, и к гадалке не ходи. На набережной поджидала женщина, с которой мы в пер-

свой не моргающий взгляд, — и без всяких яких видно, что у неё не просто маковой росинки во рту не было, а сколь давно человека мучила нетерпимая жажда.

Переделанное в шукшинской кинокартине под ресторан, сие общепитовское заведение с тех пор особо не изменилось, когда заглянувший сюда по освобождении рецидивист Егор Прокудин для первичного знакомства громогласно озвучил своё присутствие словами: «Что мы тут имеем?» Как и тогда, квадратные столики со стульями на алюминиевых ножках так же вразброс были расставлены по всему помещению, разделённому стеклянной перегородкой. Даже пейзаж в тяжело-золотистом багете находился между теми же широкими белыми окнами, за которыми, лихо задрав нос, по синему каналу с рёвом промчалась моторная лодка. А нам с матерью Сергея Кожевникова само и место досталось напротив этих окошек, да ещё за тем столиком, где освобождённый по концу срока Егор Прокудин с «погонялом» Горе доходчиво втолковывал пронирыливо-му официанту: «Нужен праздник!»

Наверное, киношная традиция, касаемо сходного обслуживания посетителей, и прижилась с того времени в столовой, где было на удивление прохладно, к тому же под потолком, хлопая лопастями, добросовестно трудились стародавний вентилятор. А между столиками худенькая пожилая женщина в махоньком фартуке привычно разносила на подносе блюда. И дед ещё не сто лет при виде своего заказа живо потёр ладошками перед пластмассовой столешницей:

— Закуска-то больно добра, — хвалебно провозгласил он про свой пир на весь мир. — Гли-ко, и жевать не надо, только брови подымай! — И, мотнув кудлатой головой с крестиком на жилисто-загорелой шее, приглашающе огляделась для одобрения его жизнерадостного расположения духа.

Только наше нынче житьё — ни еда, ни питьё. Одной лишь водички дотронулась — потянула из стакана, обо всём непонятным образом узнавшая родственница и, не обращая ни на кого внимания, уклонила голову, смежив воспалённо-опухшие, с тёмными ободьями глаза: видать, забылась на время.

Другой мне она, не последнего порядка человек областной «неотложки», запомнилась в нашей единственной беседе накануне её колониетского свидания с сыном — небо и земля. Тогда и намёком мать не возжелала знать, что давно её отпрыск, родной дитятко, не в ту сторону

глядит, лишнее было заикаться поперёк родительской души. Их дети всё одно лучшие на свете: и пусть у того лопнет глаз, кто не любит нас!..

Зато это трагическое происшествие стало праздником тому, кто сидел в другом доме. Иначе в честь чего Серёгина мать прилетела сюда, как на крыльях: не сама же беда неожиданно-негаданно взвила не своим голосом, да и повисла над её головой? Хотя не велик секрет Полишинеля, и ларчик отмыкается проще простого, потому что ещё солнышко не взошло, когда уже кому надо наловчились вскрывать подобные шкатулочки без особых затруднений. Достаточно было и всего-то тому, в чьих умелых руках оказались материалы личного дела, связаться с кем необходимо по спецсвязи из отдельного кабинета и заинтересовать предложением, от которого, по понятным причинам, вряд ли отказываются. Здешные же мобильные телефоны до морковкина заговенья пребывают «вне зоны досягаемости».

А умников звонить из коммутаторской комнаты, что в поселковом штабе сотрудников, если и было, так уж на низ сплыло. На этом дежурстве одни лишь вольнонаёмные, не страдающие речевыми провалами женщины, посему через часик-другой уже все бы приветствовали новоявленного миллионера курдюгского разлива. И это, почитай, как сто баб нашептали.

Так что уподобляться той самой знаменитой гоголевской вдове, якобы саму себя выпоровшей, охотников не найдётся, не на тех напали. Такого рода действия уже изначально чреватые нежелательной экскурсией в лишённый архитектурных излишеств дом, где неволя учит и ума даёт, но обладателю данных о Кожевникове опасаться было лишне. Никто не увидит и не услышит: давно у подобных государственных с большими погонями, выражаясь по-современному, всё под контролем. По итогам же нехитро-предсказуемых переговоров одним духом, кому следует, открывался счёт на предъявителя и, равновесно, сокрушённое сердце — заинтересованное лицо — становилось обладателем необходимой информации.

Впрочем, ужели в чужом горе и всего-навсего лишь кому надо в масть подсказать, как в нужное время и в нужном месте оказаться, не святое ли дело? А коль хочу, так чего не смогу, ведь за добро, как известно, даже сам бог плательщик. Да за сию малую толику отзывчивой души оттого и по правде некое воздаяние рвавших на себе волосы, а за такие дела уж ни с кого не полетит голова, куда понятней. В общем, кто кого сможет, тот того и гложет, не впервой. Только не для нашего ума была эта сума, и без этаких затей своими грехами сыты, хоть отбавляй. Тогда с какой радости такой приговор да сразу же мне во двор, всё в толк не могу взять?..

«Верните сына, — маленько забывшегося, вернул меня на место голос матери Сергея Кожевникова. Она поднялась, шатнувшись, и, раздельно вытатывая слова, шёпотом, от которого хоть кому станет не по себе, горячо упростила: — Верните моего сына!» Со стороны такое вполне походило на родительскую беседу с зарвавшимся было не в меру наследником, что, прилюдно осознав содеянное, бережно сопроводил мать под ручку на волю, подальше от посторонних глаз и ушей.

Мимо лениво пробрело несколько подростков, один из них, худосочный — три щепочки сложены да сольёчки вложены — поливал себя из большой бутылки. По прямой, что пенал, слепящей дорожке обводного канала прострекотал игрушечной наружности буксирчик, трудолюбиво таща за собой обвязку трёпаных, рыжих от солнца брёвен. Белыми послушными листьями падали в блестящую воду чайки и, крикливо взмывая в вышину, с белокрылой упругостью таяли в глубине ослепительного, прожарено-небесного простора.

«В ноги паду, отдайте», — горячечно молила женщина, спасительно уцепившись за мой мундир рукой с самоцветно сверкнувшим перстнем на указательном пальце. В другой руке была сумочка на длинном блестящем ремешке, что влеклась следом неподъёмным лишним грузом. Запнувшись, Серёгина мать еле не упала, но мы с поддержкой вместе устояли на своих двоих: «Верните кровиночку, — раскачивала она с взбитым платком на растрёпанной голове, втихомолку начиная подвывать, а потом вдруг как-то и вовсе неотступно-смертно вскрикнула: — Христом-Богом молю!..»

Анатолий ЕХАЛОВ

Пропала рыбалка!

(Вспоминая Астафьева)

В 1974 году Виктору Петровичу Астафьеву исполнилось всего пятьдесят лет. К этому времени он был писателем с мировым именем. Газета «Вологодский комсомолец» напечатала поздравление от коллег писателей, в котором были такие строки: «Кончилась гарантия, выданная природой. Далее все зависит от тебя самого...»

А черед два года справляли сорокалетний юбилей газеты «Вологодский комсомолец», бывшей негласным органом вологодских писателей. Виктор Петрович пришел на банкет, устроенный по этому поводу в ресторане «Вологда».

Тост у него был про нейтронную бомбу, которая уничтожает человека и при этом не несет разрушений. И вот ходит одинокий человек по улицам города: в магазинах всего полно — и водки, и закуски, а выпить не с кем. «Так выпьем за то, чтобы всегда оставался «Вологодский комсомолец», чтобы всегда было с кем выпить».

Под конец застолья он подошел ко мне и пригласил назавтра к себе в гости. Я в ту пору был двое моложе Виктора Петровича, книжек у меня еще не было, я печатал всего лишь очерки о сельской жизни в газете в защиту личного подсобного хозяйства, которому партийные идеологи приписывали кулацкие настроения, поэтому это приглашение было для меня неожиданно.

Я пришел к Астафьеву на квартиру в половине одиннадцатого, позвав для храбрости фронтowego разведчика Аркадия Петровича Кузнецова, работавшего в газетах фотокорреспондентом.

Астафьев был один. Мария Сергеевна в ту пору уезжала в Москву по каким-то делам. Он провел нас в свой кабинет, сел за свой широкий писательский стол и без всякого вступления начал рассказывать о том, как проходила коллективизация в Сибири, как был разорён его род. Видно было, что тема эта не дает ему покоя уже много лет, а письменного выражения еще не нашла.

— И вот я все думал: почему Костя Коничев, присылая мне поздравительные открытки, ерничал в них. Ерничает и ерничает. Потом-то стало известно почему: совесть грызла. Он ведь в тридцатые годы принимал участие в раскулачивании крестьян в Междуречье.

Виктор Петрович оставил вдруг свои воспоминания и обратился ко мне:

— Толя! Давай сегодня не будем водку пить? А то моя контуженная бестолковка трещит сегодня после вчерашнего.

Я охотно согласился.

И Астафьев снова погрузился в воспоминания, которые более походили на постановку театра одного актера, столь живо и образно творил мастер печатного слова это живое слово.

Но тут он опять остановился, посмотрел на часы. Было без пяти одиннадцать. Приближался час «пик», когда в магазинах начинали продавать водку.

— Толя! — снова повторил он. — Давай сегодня не будем пить водку.

— Конечно, Виктор Петрович! И без водки хорошо...

— Ладно, что с тобой делать. Уговорил! Петрович, беги в магазин...

Старый разведчик Кузнецов в мгновение ока исчез за дверями.

— Сегодня мне еще можно, — сказал доверительно Астафьев. — Марья в отъезде. Приедет, так все краны перекроет...

Квартира у писателя была одной из лучших в городе. Эту квартиру оставил ему первый секретарь обкома партии Анатолий Семенович Дрыгин, когда переезжал в новую.

— Ира! — крикнул Виктор Петрович в глупину квартиры. — Накрой, дочка, нам стол.

Иру я тогда еще не знал. Позднее она стала работать в газете «Красный Север» на письмах, кабинет ее был на одном коридоре с нашей газетой. Она не была красавицей, но была дружелюбной, компанейской, веселой женщиной.

Скоро прибежал и Кузнецов с водкой. Сели за стол, выпили, закусили. Ира тоже села с нами, тоже выпила. В это время, словно из небытия, в проеме дверей появился бестелесный образ старичка в венчике седых волос. Глаза его лучились ласковым светом.

— Познакомьтесь, это мой папа. Петр Павлович Астафьев, — усмехнулся Виктор Петрович.

Старичок церемонно поклонился и смиренно сел за стол.

Я был поражен. Рядом со мной сидел герой астафьевских книг, жизнь и подвиги которого писатель беспощадно и убийственно, как мне тогда казалось, охарактеризовал и сделал хрестоматийными на много поколений русских читателей.

Вспомнился рассказ «Бурундук на кресте»: «Мой папа деревенский красавчик, немного плотник, немного парикмахер, немного гармонист, немного охотник, немного рыбак и немало хвастун...» И вот этот герой сидел рядом со мной, тихий,

деликатный, хорошо воспитанный, вовсе не похожий на того книжного героя, гуляку и кутилу... В силу своей молодости мне трудно было представить, что те времена, которые описывал Астафьев, совсем рядом — руку протяни...

«Неужели, — подумал я, — права пословица «Ради красного словца не пожалеет и отца».

Подняли новый тост. Выпили. Выпил и Петр Павлович, скромно потыкав вилкой закуску в тарелке.

Жил он в отдельной комнатке с одним окошком во двор и маленьким балкончиком, на котором обитали еще две охотничьи лайки.

Ира принесла мне гитару, и скоро мы вовсю распевали русские народные песни про бродягу и Байкал, светелку и пряху, кочегара и раскинувшееся море... Виктор Петрович пел упоительно, отдаваясь песне полностью, хотя особых певческих данных у него не обнаружилось. Петр Павлович пил и пел вместе с нами.

Потом пошли знаменитые астафьевские байки. Астафьев рассказывал, как ехал в Вологду из Москвы, где был по издательским делам. Я знал эту историю. Она стала достоянием писательской среды. В издательстве был накрыт стол, проводили честь по чести, еще на дорогу сунули в карман полушубка бутылку виски «Белая лошадь», сигареты Мальборо, редкие в ту пору. Когда Астафьев зашел в купе, там уже сидели два партийных работника из области. Те уже радовались, что едут без попутчиков. На столике стояла бутылка коньяка, шоколад, порезанный лимон.

И тут в купе ввалился какой-то мятый мужик в полушубке, кривой на один глаз, лицо в шрамах, больше похожий на беглого каторжника, чем на пассажира купейного престижного вагона.

— Здорово, мужики! — сказал без церемоний каторжник. — Есть с кем выпить...

Партийным не понравилась эта бесцеремонность, и они демонстративно отвернулись к окну.

— Чего же это вы, товарищи, от народа морды-то воротите? — добродушно спросил Астафьев, доставая из карманов дефицит-

ный виски и сигареты «Мальборо». Своим зорким писательским глазом он тут же вычислил партийную номенклатуру и даже вспомнил, кто каким районом управляет. Видел на хозпартактивах с отчетами. А вот элитные пассажиры не признали в «беглом каторжнике» писателя с мировым именем. Он недавно перебрался в Вологду. И только «Белая лошадь» да «Мальборо» заставили по-иному взглянуть на попутчика, но настороженные парработники делить с ним стол отказались, и пили свой коньяк отдельно.

И это обидело Астафьева.

— Что это за коммунистическое чванство? — сказал Астафьев словами Ленина. — А когда ваши бабы за сапогами в магазин с черного входа без очереди прутся, куда благородство ваше девается? Смотрите, я все про вас знаю.

Товарищи секретари возмутились. Но дискутировать с Астафьевым, выросшим в поселке лесозаготовителей, прошедшим фронт, кудесником слова, было им не под силу. Возмущенные, они разобрались по своим полкам.

А наутро они были уже в приемной первого секретаря обкома Дрыгина.

— Анатолий Семенович! Что это наши писатели вытворяют, оскорбляют ни за что ни про что. Говорят, что наши бабы с черного входа за сапогами лезут, а потом из-под полы перепродают...Если так дело пойдет...

— Да. Однако достали вы писателя, — отвечал Дрыгин. — Говорит, значит, знает. Смотрите у меня! Этот мужик, хоть и одним глазом, а на три метра под землей видит...

...Мы снова принялись за песни. И только наоравшись вдоволь, вспомнили, что на улице весна и надо бы половить рыбы по последнему льду. Я рассказал Виктору Петровичу про одно секретное озеро, на котором окуни по полкило клюют, как сумасшедшие.

— Поехали, — загорелся Астафьев. — Вот Марья приедет и рванем. Ты позвони мне.

Дня через три я позвонил Виктору Петровичу.

— Лед пока еще держит, но нужно торопиться.

Глубокий вздох сожаления раздался на том конце провода.

— Толя! Этот папанья мой, Петр Павлович, не говоря худого слова, не успела Марья переступить порог, тут же сдал нас. А ведь сидел с нами, водку пил, песни пел...

«Машенька, говорит, тут к твоему-то Ехалов из редакции приходил, весь день водку пили и песни орали...» Вот Иуда! А теперь, Толенька, я под домашним арестом недели на две. Пропала рыбалка!

В ЛЕСНОЙ ТИШИНЕ

О Василии Белове

Приезд писателей в Тотму был для нас точно праздник. Об их приезде мы чаще всего не знали. Однако встречали их так, как если бы знали. Особенность всех тотмичей в том, пожалуй, и заключалась, что самым любимым их местом в летнюю пору, где чаще всего они собирались, была вечерняя пристань, к которой причаливал плывший из Вологды пароход. Сюда, к пароходу, любил приходить и Вася Елесин. Я тоже редко когда пропускал его разворот, с каким он сближался берегом Тотмы, пестревшим от множества кепок, косынок, вихрастых голов, загорелых затылков, машущих рук, платочков и шляпок. Так был встречен однажды Сергей Васильевич Викулов, самый яркий певец советской деревни.

На той же пристани встретили мы и Василия Ивановича Белова, автора только что вышедшей книги «Знойное лето». Белов прихрамывал, и лицо его было угрюмым. Мы поняли: что-то случилось на пароходе. Белов открылся:

— Ссора была. С пижонами. Из-за песни. Они пели какую-то красивую чепуху. А я потребовал нашу, русскую. И даже запел. И вот они на меня. Всей стаей... Не буду об этом и говорить. Противно. Сейчас бы мне, эх, настоящей лесной тишины. Может, подскажите: где она тут?

Мы рассмеялись:

— Где же, как не в лесу!

Белов улыбнулся

— Что мне и надо!

Сказано — сделано. Переплыв на пароме через реку, мы оказались на том берегу, где была проселочная дорога, которая нас и вывела в Красный бор, одно из красивейших мест в окрестностях Тотмы. День был чудесный. Мы с Елесиным приставали к Белову, чтобы он открыл нам, как это так у него

в рассказах выходит соединение того, что случается в жизни сейчас, с тем, что было в ней, и что будет. Белов поморщился:

— У вас и вопросы... Как у литературных светил. Вы это... выбросьте лучше из головы. Когда захочешь писать — запишется само. И о том, что вчера, и о том, что потом. И без всяких соединений.

Мы даже немного смешались:

— А как же нам быть?

— Никак. Просто жить! — ответил Белов и, выбросив руку вперед, спросил, как потребовал:

— Что вы там видите?

— Сухону.

— А там? — рука Белова вскинулась вверх.

— Облака.

Опишите их состояние. По-настоящему опишите. Это и будет литература. Право, около нас и над нами было всё так обычно, в то же время и необычно. Большая река. А над ней? Уплывали одни облака. Приплывали другие, точь-в-точь строители, образуя на карте небес белооёрое государство. Так, наверное, и душа, сливаясь с душой, образуют счастливую территорию, где, подобно вихорю над рекой, торжествует развернутое сиянье.

Уехал в Великий Устюг Белов через сутки. А мы, как и раньше с Васей Елесиным, вновь и вновь выходили к вечернему пароходу. Ждали счастливую продолжения. Как в Викулове, так и в Белове видели мы творцов

Сергей БАГРОВ

О ДРУЗЬЯХ-ТОВАРИЩАХ

огромной величины, умевших вздымать человеческий дух могуществом слова и слога. Одним словом, учились у них. И у них, и у классиков русской литературы, и у тех, кого мы искали, отправляясь в поездки по сплавучасткам, лесным поселкам и хуторкам, где всегда находили хранителей русского языка, чья богатая речь была, как книга, которую читаешь, читаешь, читаешь, зная о том, что она не закончится никогда.

МОСКВА — ВОЛОГДА — ТОТЬМА

...Лето 1965 года. Из Москвы поезд пришел под вечер. Здравствуй, Вологда! Вылезли на перрон — я и Рубцов. Мне — в Тотму. Рубцову — не знать и куда. Отправился бы, пожалуй, в Тотму, ко мне. Но пароход уходил туда только утром.

Прошлись по Менжинской, а там — и Советской. Хотели зайти в крохотный магазинчик. И вдруг нам навстречу — Василий Белов, еще не такой знаменитый, однако доступный, житейский, свой. Объяслись. Пошагали троицей. Вел нас Белов. Наверно, к себе. Однако Рубцов при виде огней «Золотого якоря», где была гостиница с рестораном, воскликнул так, как если бы нас там кто-то встречал:

— Сюда-а!

И мы повернули к огням, где и устроились до утра. Втроем. В общем номере, где были свободными две кровати.

Мы с Рубцовым решили, что эти кровати для нас. С Беловым тут же и попрощались.

— До свидания, Вася...

Белов рассердился:

— Никуда я от вас не уйду! Буду с вами! А ночевать, коли нету кровати, могу вон и там! — показал на голландскую печь, под которой алел мягкий коврик.

Мы с Рубцовым чуть-чуть смутились. Даже заспорили:

— Нет, я на коврик!

— Нет, я!..

Горничная гостиницы на коврике спать нам, однако, не разрешила:

— Нельзя! Не положено! Уходите который-нибудь!

Никто не ушел. Чтoб успокоить дежурную, кто-то из нас улынулся, даже погладил ее по белой косынке на голове:

— Мы и втроем бы могли на одной кровати, но раз ты такая суровая, заночуем вдвоем...

Дежурная убежала. Мы же снова продолжили спор, который закончился тем, что Белов посмотрел на меня повелительно:

— А ну, на кровать! Спишь один! А мы с Николаем — вдвоем! Так надо! Без возражений!..

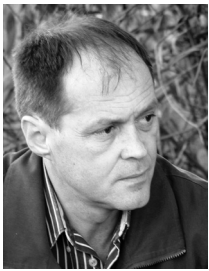
Утром все трое направились к пароходу. Рубцов с Беловым махали мне с пристани, мол, доброй дороги до Тотмы да горячий привет ей от нас...

Я стоял на палубе и смотрел с тихой грустью на удалявшиеся фигурки, как они, покуривая, шли по людному тротуару, разговорчивые, живые, словно и впрямь их ждали большие дела, и закончат они их конечно же вместе.

Гудит пароход, а я слышу сквозь бас его то, что когда-то слушал от Николая: «Кого я в Вологде больше всего обожаю, так это Васю Белова. С ним бы я — хоть куда...»

Вот и идут они оба вместе. По тротуару. В будущее свое...

ВОЛОГОДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ • 2021

Александр Ломковский

Александр Пошехонов

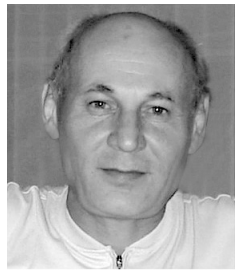
Александр Цыганов

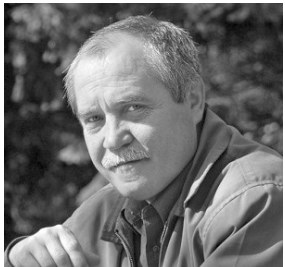
Анатолий Ехалов

Андрей Лушников

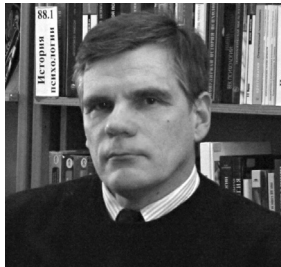
Андрей Смолин

Василий Мишенёв

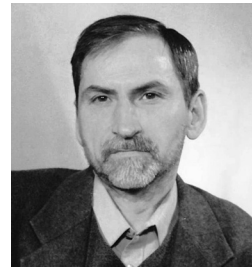
Василий Ситников

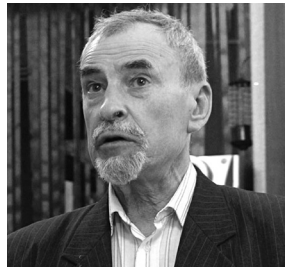
Виктор Бараков

Виктор Плотников

Владислав Кокорин

Геннадий Сазонов

Елена Белякова

Инга Чурбанова

Людмила Яцкевич

Михаил Карачёв

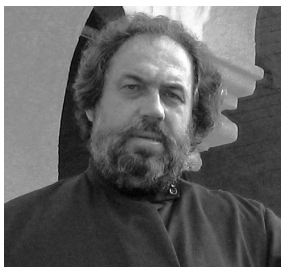
Наталья Сидорова

Николай Алёшинцев

Николай Дегтерёв

Николай Толстиков

Олег Ларионов

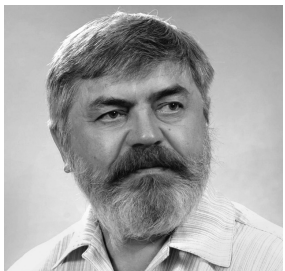
Ольга Фокина

Ольга Черноричская

Роберт Балакшин

Сергей Алексеев

Сергей Багров

Сергей Созин

Сергей Тихомиров

Татьяна Бычкова

Юрий Максин

ВОЛОГОДСКАЯ ПИСАТЕЛЬСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ (1961–2021)

1. Алексеев Сергей Трофимович	1952 г.	26. Карачёв Михаил Иванович	1953 г.	51. Сидоренко Александр Михайлович	1957–2006 гг.
2. Алёшинцев Николай Созонтович	1950 г.	27. Кванин Олег Семёнович	1913–1978 гг.	52. Сидорова Наталья Петровна	1953 г.
3. Багров Сергей Петрович	1936 г.	28. Кокорин Владислав Николаевич	1955 г.	53. Ситников Василий Харлампиевич	1951 г.
4. Бараков Виктор Николаевич	1961 г.	29. Коротаев Виктор Вениаминович	1939–1997 гг.	54. Славолубова Людмила Дмитриевна	1931–2015 гг.
5. Балакшин Роберт Александрович	1944 г.	30. Кудрявцев Владимир Валентинович	1953–2013 гг.	55. Смолин Андрей Петрович	1959 г.
6. Белков Вячеслав Сергеевич	1952–2006 гг.	31. Кузовлев Дмитрий Михайлович	1927–1985 гг.	56. Созин Сергей Аркадьевич	1955 г.
7. Белов Василий Иванович	1932–2012 гг.	32. Кукушкин (Кучмида) Николай Павлович	1942–2006 гг.	57. Сопин Михаил Николаевич	1931–2004 гг.
8. Беляев Леонид Александрович	1939–1997 гг.	33. Ларионов Олег Иванович	1959 г.	58. Степанов Владимир Степанович	1937–1994 гг.
9. Белякова Елена Ивановна	1956 г.	34. Леднев Юрий Макарович	1929–2001 гг.	59. Сухарев Аркадий Алексеевич	1912–1978 гг.
10. Бодренков Иван Михайлович	1919–1991 гг.	35. Ломковский Александр Вениаминович	1965 г.	60. Тарыничев Юрий Фёдорович	1934–2007 гг.
11. Бычкова Татьяна Егоровна	1957 г.	36. Лушников Андрей Евстафьевич	1964 г.	61. Тихомиров Сергей Алексеевич	1973 г.
12. Васильев Алексей Алексеевич	1933–2002 гг.	37. Максин Юрий Михайлович	1954 г.	62. Толстиков Николай Александрович	1958 г.
13. Воробьёва Лидия Михайловна	1953–2014 гг.	38. Мартюков Анатолий Сергеевич	1934–2012 гг.	63. Угловский Николай Васильевич	1921–1971 гг.
14. Гарновский Виталий Всеволодович	1902–1986 гг.	39. Мишенёв Василий Михайлович	1958 г.	64. Фокина Ольга Александровна	1937 г.
15. Гроссман Виктор Азриелевич	1887–1978 гг.	40. Мишнев Станислав Михайлович	1948–2020 гг.	65. Фокин Николай Васильевич	1953–1995 гг.
16. Груздева Нина Васильевна	1936–2016 гг.	41. Никитина (Чурбанова) Инга Александровна	1967 г.	66. Хачатрян Александр Хачатурович	1939–2016 гг.
17. Гура Виктор Васильевич	1925–1991 гг.	42. Оботуров Василий Александрович	1938–2008 гг.	67. Хлебцов Вячеслав Михайлович	1939–2003 гг.
18. Гусев Анатолий Павлович	1932–1964 гг.	43. Плотников Виктор Александрович	1934–2016 гг.	68. Цыганов Александр Александрович	1955 г.
19. Грязев Александр Алексеевич	1937–2012 гг.	44. Полужанов Иван Дмитриевич	1950 г.	69. Черноричская Ольга Леонидовна	1967 г.
20. Дегтерёв Николай Александрович	1986 г.	45. Пошехонов Александр Алексеевич	1926–2008 гг.	70. Чулков Борис Александрович	1932–2014 г.
21. Дружининский Николай Васильевич	1948–1993 гг.	46. Романов Александр Александрович	1956 г.	71. Чухин Сергей Валентинович	1945–1985 гг.
22. Елисин Василий Дмитриевич	1936–2005 гг.	47. Рубцов Николай Михайлович	1930–1999 гг.	72. Шарыпов Вениамин Николаевич	1937–1985 гг.
23. Ехалов Анатолий Константинович	1951 г.	48. Рубцов Николай Михайлович	1936–1971 гг.	73. Швецов Александр Сергеевич	1951–1999 гг.
24. Жаравин Михаил Геннадьевич	1959–1995 гг.	49. Сазонов Геннадий Алексеевич	1950 г.	74. Шриков Владимир Леонидович	1944–1998 гг.
25. Железняк (Белецкий) Владимир Степанович	1904–1984 гг.	50. Свиштунов Мануил Алексеевич	1937–2006 гг.	75. Яцкевич Людмила Григорьевна	1944 г.

...Он едва не сгорел в танке, защищая свою страну в военное лихолетье, а потом на протяжении всей жизни прятал ожоги на лице под окладистой бородой. Если бы не медаль «За оборону Ленинграда», которую он никогда не снимал, в его грудь наверняка вонзился бы смертоносный осколок, оборвав жизнь поэта Сергея Орлова в самом начале пути. Но у него хватило сил выстоять, пройти через все невзгоды и испытания, и остаться в памяти потомков своими великолепными стихами.

Сергей Сергеевич Орлов (1921—1977) родился в небольшой деревушке Мегра Череповецкой губернии (в настоящее время это территория Вологодской области), в семье школьных учителей. Родители мальчика трудились в сельской школе, мама была учителем русского языка и литературы. Любовь к литературе и сочинительству проявилась у Орлова очень рано, свои первые стихи он написал еще в детстве. Именно мама настояла на том, чтобы сын начал заниматься в литературном кружке. Уже в те годы Орлов привлекал своей незаурядностью и умением прочесть любое произведение очень эмоционально и воодушевленно. Через некоторое время первые сочинения одаренного подростка появились на страницах местной газеты, потом их напечатало областное издание. Благодаря Корнею Чуковскому стихотворение Орлова «Тыква» было опубликовано на страницах самой главной газеты страны — «Правды». Кроме того Чуковский опубликовал четыре строчки из этого стиха в одной из своих детских книг. Гонорары, которые юный поэт получал за публикацию своих стихов, он приносил матери, вкладывая свою долю в семейный бюджет. В 1940 году Орлов стал студентом исторического фа-

культета Петрозаводского университета, но об учебе вскоре пришлось забыть — началась Великая Отечественная война, изменившая его биографию. С первых дней войны С. Орлов оказался в истребительном батальоне народного ополчения, сформированного в Белозерске, в который вошли студенты-добровольцы. Всю войну Орлов прошел в составе танковых войск, в 1944-м его назначили командиром взвода. На фронте поэт проявлял все свое мужество и героизм. Во время одного из боев в феврале 1944 года его танк подбили фашисты, машина загорелась, но Орлов продолжал бой. Он чуть не сгорел в этом танке, получил ожоги тела и лица, которые потом тщательно скрывал всю жизнь под бородой. Настоящая популярность пришла к С. Орлову после войны, в 1946-м, когда поэт выпустил свой второй сборник стихов. Пришло время задуматься о продолжении образования, и Орлов снова становится студентом. На этот раз он остановил свой выбор на Литературном институте им. Горького. Диплом о высшем образовании поэт получил в 1954 году. Спустя некоторое время он стал членом Союза писателей СССР. Помимо поэтического творчества С. Орлов является автором сценария картины «Жаворонок». Его соавтором был Михаил Дудин. Сюжет фильма о героизме танкистов, которые оказались во вражеском плену. В 1970-м поэт переехал в Москву. В 1978-м из печати вышла последняя книга поэзии Орлова под названием «Костры». Но поэт к тому времени уже не было в живых. Самым популярным его стихотворением многие называют его произведение «Его зарыли в шар земной». С. Орлов написал его в суровом 1944 году, и посвятил одной из основных тем своего творчества — войне и героизму советских людей, которые не жалели себя и шли на смерть ради свободы своей Родины. Даже в мирное время, спустя много лет после окончания войны, поэт продолжал писать на эту тему. Кроме войны, навсегда врезавшейся в его память, Сергей Сергеевич Орлов посвящал свои произведения красоте родного края, который оставался ему дорог всегда.

К 100-ЛЕТИЮ С. С. ОРЛОВА

«Будет жить
твоя Россия...»

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.

Ему как мавзолее земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.

На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.

Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолее...

Тополь встанет молодой,
Рожь взойдет над головой,
Журавли перо обронят,
Вдаль летя своей тропой.

Будут лить дожди косые,
Будут петь снега...
Будет жить твоя Россия
Всем назло врагам.

Вырастут на свете люди,
Что ещё не родились.
Смерти никогда не будет,—
Будет жизнь.

Кукушка куковала на рассвете,
А лесом шла железная страда...
Мы знали, многим жизнь на белом свете
Уже не исчислялась на года.

Но все-таки кукушку мы спросили,—
В приметы верят люди на войне,—
И вот по двадцать лет провозгласила
Нам здравствовать кукушка в тишине...

И думал каждый: «Доживу, возможно,
Не всех людей хоронят на войне».
Но эти двадцать лет в лесу тревожном
Накуковала птица только мне.

Далеко течет река Шексна,
Волги нареченная сестра.
Я ее увижу только в снах
Редких и коротких у костра.

Высоко зеленая звезда,
Свет ее сияет над Шексной.
Легкая певучая вода
Очень схожа цветом со звездой.

Голос первой любви моей —
поздний, напрасный —
Вдруг окликнул, заставил на миг
замереть,

И звучит до сих пор обещанием счастья.
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?..

Над горящей землей от Москвы
до Берлина
Пыль дорог, где отстать — хуже,
чем умереть,
И в бинтах все березы, в крови
все рябины...
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?

На тесовой калитке снежок тополиный,
Холодок первых губ, как ожог, не стереть...
А года пролетели, их, как горы,
не сдвинуть.
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?!

Приснилось мне жаркое лето,
Хлеба в человеческий рост
И я — восемнадцатилетний —
В кубанке овсяных волос.

Такой, как на карточке старой:
Без шрамов военной поры,
Еще не видавший пожаров,
Еще не ходивший в прорыв

На танке гвардейской бригады
По дымному тракту боев,
Еще не писавший в тетради
Ни строчки военных стихов...

Во сне в ту далекую пору
Я глянул с улыбкой, а там
Парнишка с доверчивым взором
Шагал напрямик по полям.

Веселый, счастливый, довольный,
Ничуть не тревожась о том,
Что девушка в садике школьном
Впервые тоскует о нем.

Шагал, не жалея пшеницы,
Шагал, тишины не ценя,
Не слушая песенку птицы,
Что встала у солнца, звеня...

На русого мальчика глядя,
Мне так захотелось сказать:
«Вернись к этой девушке в садик,
Ей легкие руки погладь.

На тропку сверни из пшеницы,
Почувствуй, как тихо вокруг,
Послушай залетную птицу,—
Не поздно пока еще, друг»...

Но тут же я вспомнил о том, как
Ревел над землею металл,
Как в черных окопных потемках
Я письма твои ожидал;

Как небо казалось оттуда
Синей, чем любимой глаза,
И тишь приходила как чудо,
Когда умолкала гроза;

Как падал я в травы устало,
Не помня уже ничего...
Его впереди это ждало —
И я не окликнул его.

Будет печалить и радовать
В мире оно и без нас,
Белой неожиданной радугой
Искрясь, как мартовский наст.

Там, где кончаются озими
В дальней дали и леса,
Синее Белое озеро
Встало стеной в небеса.

Белой дугою очерчено,
Солнца касаясь и звезд,
Тихое, будто доверчивость,
Но с перезвонами гроз.

Нимбом, светящимся издали,
Встало над краем навек
Неотразимо и искренне,
Будто бы взгляд из-под век.

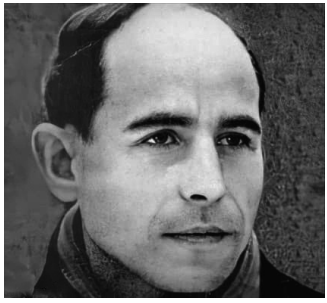
Белое озеро, может быть,
Цвета черемух полно.
Белое озеро... Боже мой,—
Как это было давно!

Россия есть у каждого своя:
Свои леса в ней и свои поляны,
Свои враги в ней и свои друзья,
Свои у всех на будущее планы.

Но черный хлеб её — у всех один,
Насущный хлеб, что правдою зовется.
Не все им сыты. Только все едим.
Его хватает нам и остается.

К 85-ЛЕТИЮ Н. М. РУБЦОВА

Николай РУБЦОВ

Рубцов Николай Михайлович (1936–1971) — выдающийся русский поэт. Родился в Северном крае, в Емецке. Родители происходили из Биряковской волости, ныне — Сокольский район Вологодской области. Детство поэта прошло в Вологде, в Красковском дошкольном детдоме, в детском доме в селе Никольском. Служил на Северном флоте. Работал на заводе в Ленинграде. Был литературным консультантом в газете «Вологодский комсомолец». Погиб в Вологде. Тиражи книг Н.М. Рубцова в России и за рубежом исчисляются миллионами изданий. В Вологде именем поэта названа улица и установлен памятник на набережной реки Вологды. «Судьба поэзии Николая Рубцова способна поразить воображение. При жизни его имя было дорого лишь узкому кругу ценителей поэзии; даже в среде профессиональных литераторов реальную ценность его творчества осознавали очень немногие. Но начиная с середины семидесятых годов за предельно краткий срок поэзия Николая Рубцова обрела поистине всенародное признание... Но особенно удивителен даже не сам по себе стремительный рост славы поэта, а тот факт, что росла она как бы совершенно стихийно, по сути дела, без участия средств массовой информации — словно движимая не зависящей от людей природной силой. Именно благодаря этому слава Николая Рубцова и поныне сохраняет столь редкостный характер задушевности и целомудрия: она не блистает, не ослепляет, но поднимается над нами как живительный свет зари, проникающий в сокровенную глубь нашей духовной жизни. И если всерьез разобраться в существе дела, рост славы Николая Рубцова обусловлен, прежде всего, духовным ростом миллионов читателей — то есть, в конечном счете, целого народа. Поэзия Николая Рубцова, законного наследника классических традиций и вместе с тем нашего современника, предстает как доступный всем и каждому путь к отечественной поэзии в ее полном объеме» (Вадим Кожин).

Путевой очерк дочери поэта Елены Рубцовой «Дорога, дорога!..», датированный 2021 годом, предваряет поэтическую публикацию Николая Михайловича Рубцова.

ДОРОГА, ДОРОГА!..

1. Дорожная мука

*Дорога, дорога, разлука, разлука,
До боли знакома дорожная мука...*
Н. Рубцов

Вспоминая поэта Николая Рубцова, многие тут же находят определения: путешественник, странник, путник, даже — иногда, бродяга. Стало общим местом, что «тропа-дорога-путь» входит в число самых многочисленных образов в стихах Н. Рубцова. Река ведь тоже по-своему дорога. На мой взгляд, довольно часто этому явлению придаётся романтический ореол: вот какой счастливый был, столько увидел и прошёл путей.

Но так ли это на самом деле? Возьмём такой случай.

Часто пишут о том, как однажды Николай Рубцов добирался до деревни Николы в Тотемском районе от станции Гремячий зимней ночью. Очень сильно замёрз. Кто знает, как бы закончилось такое путешествие, если бы примерно на полпути, в деревне Аникин Починок, поэт не нашёл тёплого приюта в доме Марии Ивановны Богдановой. Добрая хозяйка не только накормила молодого человека, но и дала валенки, чтобы дойти до села Никольское. А ведь, наверное, не лишние были!

Под впечатлением этого случая Николай Рубцов написал стихотворение «Русский огонёк», одно из самых известных в его творчестве. И моё — одно из любимых.

Сейчас хочу рассказать о подобном путешествии. Случилось оно со мной. Не помню, какой был год, но точно, что это начало 1980-х годов. Училась я в Ленинграде. Но всё время была огромная тяга домой, в родную Николу. При первой же возможности старалась туда поехать. Почему-то я помню, что был холодный ноябрь. Странно, вроде нет каникул, самое трудное время, почти перед сессией. Но как-то отпросилась. Выбор пути в то время был один — по железной дороге. Другой, по реке Сухоне, был невозможен — начался ледостав. А что делать: ехать надо! Созвонилась с мамой. Она дала по телефону подробные наставления в дорогу. С этого направления добиралась в первый раз! Билет купила до Вохтоги Грязовецкого района Вологодской области. Пересадка с поезда на поезд в Вологде и ещё два часа пути...

Вот и — Вохтога! На улице темно, знобящий ветер. Иду в зал ожидания, а там народишу! Зал маленький, сесть негде. Притулилась в уголке. В зале прокурено, шныряют какие-то странные личности. Стало невыносимо тревожно и даже жаль себя.

Все ждут подачи пассажирского поезда. Даже и сейчас мало кто знает, что есть такая Монзенская железная дорога, идущая через лесопункты от станции Вохтога до Никольского района. По ней тогда вывозили лес из восточных районов области. Но ходил и пассажирский поезд. В моём случае его подали уже ближе к ночи, часов в одиннадцать вечера. Народ ринулся занимать места. С большим трудом, но нашла местечко. Напротив меня села какая-то девушка. Познакомились, разговорились. Она тоже ехала домой с учёбы. Иногда по вагону проходили странные личности, заросшие щетиной, явно выпившие, нагловатые. Пытались познакомиться, предлагали выпить с ними водки, приставали. Вспомнить страшно, а тогда просто жуть охватывала до самых пяткок.

Вагон был прокурен, пропах водочным перегаром. Многие пассажиры были знакомы друг другу, кричали, спорили. А ещё пробирал жуткий холод! Входная дверь почти всё время была открыта и оттуда веяло стужей. Почти на каждой станции выходили пассажиры. Вспоминались фильмы про войну, где в теплушках или в таких вот вагонах везли солдат на фронт. Примерно такое впечатление осталось после той поездки. Словно пластинка крутилась в голове начало стихотворения Александра Кочеткова: «Трясаясь в прокуренном вагоне...». Оно тогда было очень популярно после фильма «Ирония судьбы...».

Ехали медленно, поезд сильно раскачивался, часто останавливался, подолгу стоял на мрачных полустанках или просто в поле. Народу в вагоне становилось всё меньше. За окнами — непроглядная темнота. Часа в три ночи проехали станцию Гремячий. Отец приезжал именно сюда. А мне ещё дальше — до станции Карица! Если б лето! Давно бы уже рассветало! А тут? Полная неизвестность!

На станции Карица вышло несколько человек. Быстро в ночь убежали огоньки последнего вагона нашего поезда. А люди, вышедшие со мной, будто растворились в темноте. Я осталась одна возле тёмного вокзальчика, закрытого на замок. Тусклый фонарь скрипел, раскачиваясь на ветру. Ни одной живой души! Даже лая собак не слышно. Жуть!

Через несколько минут чувствую, что начинаю сильно замерзать. Оглядевшись, увидела что-то вроде избушки! Наверное, сторожка или будка путевого обходчика. Толкнув дверь, крикнула: «Есть тут кто живой?» А сама приготовилась бежать, если что не так. К счастью, никто не отозвался, это немного успокоило колотящееся сердце. Спичками осветила помещение, осмотрелась. Увидела на

подоконнике керосиновую лампу без стекла. Зажгла. Избушка напоминала деревенскую баню. В углу — печурка, а в ней — поленья! Видимо, заранее приготовленные. На ощупь нашла в сумке газету и спички, растопила печку. Что ж, жить можно! Посижу часа два, дожусь рассвета, а там пешком до посёлка Первомайский, где, как обещала мама, будет ждать машина или трактор, чтобы добраться, в конце концов, в свою Николу.

2. В путь по лесной дорожке

*Какая глушь, я был один живой,
Один живой в замерзшем, мёртвом поле...*
Н. Рубцов

У печки, сколько получилось, отогрелась. Стал брезжить рассвет. Решила, что могу выходить в путь. Вспомнив наставления мамы, быстро сориентировалась на местности. Так и поблагодаришь деревенское детство и привычку ходить одной в лес. Вот и направление, по которому надо идти. Дорога, разбитая тракторами и лесовозами, за ночь вымерзла. Такие дороги, слышала от водителей, называют «стиральная доской». И правда, спотык да спотык на каждом шагу. В руках — две сумки, одна довольно тяжёлая. Сапоги совсем не грели, ноги мёрзли даже на ходу. Но главное, что сковывало волю — неистребимый страх.

В лесу — тихо-тихо. Ветра нет. Всё больше небо проясняется. От этого чувствуешь себя храбрее. До того момента, пока не раздаётся скрип от качнувшегося дерева или резкий крик всполошившейся птицы. От этих резких звуков сердце подпрыгивало в груди и падало в пятки. В голове все время крутилась мысль о голодных волках. Ещё с детства помню: много страшилки о стаях волков в наших лесах. Бывали и случаи нападения на людей. Спасу не будет, если выйдут на дорогу. Раз два показалось, что они где-то рядом и тихо преследуют меня. Тогда я припускала ходу, если можно, так сказать. Думала, если нападут, то брошу сумки и побегу. Но теперь знаю, что лучше не бежать, а залезть на дерево. Всё познается с опытом жизни.

С начала пути разные беспокойные мысли роились в моей голове. Всё-таки даже для деревенского человека расстояние вполне себе приличное — 12 километров. Но какая странная дорога от Карицы до Первомайского! Ни одной деревеньки, ни одной охотничьей избушки! Только лес, лес, лес...

И все-таки, несмотря на внутренний трепет, я шла и любовалась этим зимним лесом и даже иногда хотела петь, такая красота была кругом и покой.

Где-то к концу путешествия появилась уверенность, на душе стало спокойней: волки не съели, лесной тать не отобрал сумки с подарками и продуктами. Вспомнила про отца! И даже представила, как он тоже ездил на таком же поезде и много раз ходил по такой же дороге, только от станции Гремячий.

Вспомнила, как в детстве ездили с подружкой на эту станцию за валенками. Ездили на лошади с санями по зимней дороге. Снегу тогда было очень много, ехали в темноте, лошадь все время прятала уши и ржала. Видимо, недалеко ходили волки и она их чувствовала. Тогда было тоже страшно, но мы были со взрослым человеком, и он вселял в нас уверенность, что с нами ничего ужасного не случится. А здесь я была одна и ободрять меня было просто некому. Оставалось развлекать себя воспоминаниями, разными мыслями, даже — читать вслух стихи! Этим и скрасила свой путь.

Примерно часа через три дошла, можно сказать, почти доплзла, до посёлка Первомайский. Вся замёрзшая, бесконечно уставшая. Но нахлынуло чувство счастья, когда увидела бегущую навстречу мать и людей, которые уже сидели в тракторной телеге и ждали меня.

Спустя годы, думаю о том, что никакой романтики в этих походах нет. Когда ты один в предзимнем лесу, идёшь в полутьмноте, то в голове только одна мысль: как бы не замёрзнуть и остаться живым, добраться до добрых людей. Бредить о подобной романтике могут только те, кто никогда дальше городской черты не выбирался. Сельские люди частенько проделывали подобный путь по северным лесам. Да, по крайней необходимости! Какое счастье, если в таких случаях встретится отзывчивый человек. Как мне тут не вспомнить Марию Ивановну Богданову, которая помогла отцу в трудную минуту. А мне — того доброго человека, который оставил дрова в печурке сторожки на станции Карица. Нельзя исключить, что он спас мне жизнь...

Последующие два раза довелось преодолеть эту, уже знакомую дорогу, с путчиками. Опять охватывало тревожное чувство, но уже не было прежнего страха. Что поделать, если другой возможности добраться до родной Николы в осеннее время года просто не было.

3. По тонкому льду

*Я люблю судьбу свою,
Я бегу от помрачений!
Суну морду в полынью
И напьюсь, как зверь вечерний!*
Н. Рубцов

Как ни хорошо дома гостить, но пора и обратно в Ленинград на учёбу. Спусти несколько дней выехала из Николы уже другим путём. Сначала на грузовике доехала до села Красное. А теперь? Надо почти пятьсот метров перейти по льду Сухоны до Черепанихи, деревни на левом берегу. Это был первый день, когда разрешили людям переходить на другую сторону реки. До этого лед был совсем тонкий. Было уже совсем темно. Люди шли друг за другом строго по дорожке. Я шла с односельчанином, он нес мою сумку и шел впереди, а я в двух метрах сзади, соблюдая дистанцию. Когда переходили реку, то под ногами было слышно бульканье воды подо льдом. Лед был еще прозрачный, тонкий, а вода черная. Всё это наводило ужас, и ноги подкашивались от страха. Каждый шаг давался с трудом. А вдруг лед подломится? Я шла почти с закрытыми глазами и колотящимся сердцем.

Наконец мы добрались до противоположного берега, там уже ждал людей рейсовый автобус. Провожатый отдал мне сумку и пошел назад. Мне стало жаль его, почему-то я боялась, как он один обратно проделает путь через реку, но нужно было садиться в автобус, поэтому я не видела, как он туда добрался.

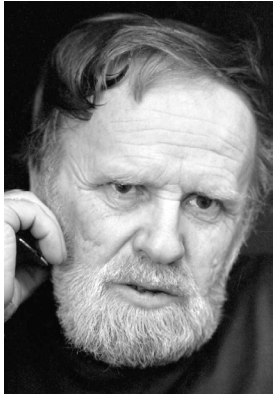
Спустя годы, я часто вижу один повторяющийся сон: как я перехожу через Сухону и не могу дойти до противоположного берега. Наверное, потому и снится, что было много событий, связанных с рекой.

Ещё помню, как моя мать рассказывала, что Рубцов (она его так называла) тоже переходил через реку по первому льду в такое же межсезонье. Сохранилось письмо, где он пишет о том, как добирался от Сухоны до Вологды на попутках. Многие подобные впечатления и легли в основу его стихов. И так всегда, из года в год: дорога, дорожная мука, которая знакома до срока, и которую переживаешь уже заранее...

Марта, 2021

НАВСТРЕЧУ ЮБИЛЕЮ ВЕЛИКОГО ПИСАТЕЛЯ

Осознанно и глубоко чувствую ощущение счастья... Может быть, счастье сквозит в лесной свежести или источает его янтарь болотной морошки?.. Еще не пришла земная усталость, еще переполнены зеленой кровью дерева и травы моей родины. И речка наша чиста, и совесть моя, когда я ныряю, вернее, падаю в отраженное омутом небо. Разве это не радость, разве это не счастье? Великое счастье иметь просто друзей, а у меня, кроме этой зеленой родины, есть родные. Пусть они далеко от меня, но они рядом, я слышу и вижу всех. Я настолько счастлив, что по запаху различаю сосновый, березовый и ольховый дым... Курлыкают журавли, ночующие в холодном поле, а в моем доме звучит бессмертная «Осенняя песнь». Всё собралось в этих неувядаемых звуках: и многоцветье полевых трав, их много-тысячные запахи-голоса, сливающиеся в один ароматный хор, и высокое солнце в щадящем неполном зените, и горизонт, искаженный струями марева, и отрада полуденной тени. Никуда ничего не исчезло... Я слушаю гениальные звуки, проникающие и вечные. Они заставляют думать, что разницы между живыми и мертвыми не существует. Душа бессмертна, потому что одна и ни на кого не похожа.

Василий БЕЛОВ

Здесь, на этой земле

ХОЛМЫ

Он пробудился от какой-то смутной шемящей тревоги. Глядел на яркий и мощный солнечный пук, бьющий в конце бревенчатого сарая, и старался понять, чем рождена эта смятенная и чем-то приятная душевная боль. Старался припомнить, что ему снилось, но образы ночного сна ускользали, оставляя неудовлетворенность.

Солнце било и в узенькие щели пазов. Ласточки со свистом влетали через окно, прижимаясь хвостиками к стропилам, щебетали, потом вновь улетали на улицу. Пахло травяной зеленью и высыхающей росой. Где-то на речке кричали ребятишки, купающиеся спозаранку, а в поле стрекотала конная косилка.

В доме никого не было. Мать, по извечной привычке, наверное, со старушечьим стоном и оханьем ушла на покос. Жена с двумя ребятишками каждое утро ходила загорать и купаться к дальнему омуту.

Он вспомнил вчерашнюю встречу со своим деревенским сверстником и вдруг понял причину своей шемящей душевной тоски.

Вчера он не успел осознать, каким немолодым, постаревшим выглядит его деревенский сверстник. А ведь он даже чуть постарше сверстника, и сегодня ночью, во сне, пришло ощущение необратимости...

До этого он все еще считал себя молодым, а тут, во сне, в подсознании, вдруг понял, что молодость давно кончилась, что он разменял вторую половину своей жизни. «Разменял»... Какое странное слово.

В деревне никого не было. Как тогда, в сенокосном детстве, стояли у ворот домов бабки, и одни стрижи с ласточками стригли над крышами синеву теплого воздуха. Солнце с утра нагревало мягкую дорожную пыль.

Он вышел в зеленое, звенящее кузнечиками поле и на ходу медленно обвел взглядом родные, много лет не виденные окрестности и деревни. Он ощутил сейчас какое-то странное радостное и грустное чувство причастности ко всему этому и удивился: «Откуда он взялся и что значит все это? Где начало, что дал ему жизнь тогда, ну хотя бы лет четыреста назад? Где все его предки и что значит, их нет? Неужели теперь все они это и есть всего лишь он сам и два его сына? Странно, непостижимо...»

Он вышел на крутой и зеленый холмик, огибаемый голубой озерной подковой. Купол церкви плыл в небе, плыл в редких белых облаках, плыл и все не мог куда-то улечь. Пчелы тихо жужжали над купами верб. Внизу от ветра и солнца мерцало озеро, голубизна, пронизанная лучами, темнела, дробилась в своем бесконечном изменении. А здесь, на холме, было тихо и зелено. Зной истекал в небо, искажая лесной горизонт волнистыми вертикальными струями. Не в масть серым, реденьким, словно захмелевшим от времени, крестам белел свежий штакетник, и арка

новых сосновых ворот плыла в небе вместе с церковным куполом.

Он долго бродил по холму, искал могилы и не находил их, пробираясь меж сильных молодых лопухов. Могила тетки оказалась далеко за оградой, он узнал ее по камню. Но где же лежит бабка? Он помнил, что бабушкина могила была около верб, но ничего не нашел и сел на чей-то еще не очень давнишний холмик. «Да, четырех прабабок и искать нечего, если даже бабушкина могила затерялась... А ведь здесь где-то лежит и вторая бабушка, бабушка по отцу... Но где же она? Ни слуху, ни духу, все сровнялось, заросло травой и лопухами...»

Вдруг его впервые обожгла, заставила жать зубы простая, ясная мысль. Никогда раньше не приходила она в голову. Здесь, на его родине, даже кладбище только женское. Он вдруг вспомнил, что в его родословной ни одного мужчины нет на этом холме. Они, мужчины, родились здесь, на этой земле, и ни один не вернулся в нее, словно стеснялся женского общества и зеленого этого холма... Поколение за поколением они уходили куда-то, долго ли было сменить граблище на ружье, а сенокосную рубашку на защитную гимнастерку? Шли, торопились, будто на ярмарку, успев лишь срубить дома и зачать сыновей. И вот сейчас на родине, одинокие даже в земле, лежат прабабки и бабушки.

Он закурил. Изображение на сигаретной коробке впервые заставило его вспомнить, что один из его предков погиб в Болгарии на войне с турками. Об этом рассказывала бабушка. И он с горькой иронией подумал о несправедливости женской судьбы: пределу и тут повезло. Может быть, над его, прадедовой, могилой стоит четырехгранный памятник, поставленный болгарскими славными героям Шипки. А могила прабабки затерялась...

Он думал о том, что и деда также не обделила судьба: наверное, приятнее лежать в маньчжурском холме, когда об этом холме написаны романы и повести. Когда в музеях толпятся у батальных полотен потомки, а печальные вальсы о маньчжурских холмах звучат по радио. А бабушкина могила исчезла, нигде не видать ни креста, ни камня.

Он погасил сигарету, но вновь закурил: что это? Черт возьми, ведь отец его, отец оставил. Пожалуй, и деда и прадеда... Нигде в мире нет такого грандиозного, такого могучего памятника, как там, на Мамаевом кургане. Он вспомнил, как прошлым летом был в Волгограде, как целый день ходил по Мамаеву кургану. Холм, взявший отца в свои недра, был велик и печален, громадная скульптура, венчавшая вершину, бросала на город исполнившую тень. В зале воинской славы еще шли работы, но он, сын погибшего на Волге сержанта, все же увидел свою фамилию на гранитной стене...

Ушли, все ушли под сень памятников на великих холмах. Ушли деды и прадеды,

ушел отец. И ни один не вернулся к зеленому родному холму, который обогнула золотая озерная подкова, в котором лежат их жены и матери. И никто не носит сюда цветы, никто не навещает этих женщин, не утешает их одиночество, которое не кончилось даже в земле.

Он сидел под вербой на зеленом, тихом, знойном холме и думал об этом.

А может быть, придет и его черед? Идти дорогой мужских предков, к чужим неродным холмам?

НА РОДИНЕ

И вот опять родные места встретили меня сдержанным шепотом ольшаника. Забелела чешуей драночных крыш старая моя деревня, вот и дом с потрескавшимися углами. По этим углам залезал я когда-то под крышу, неутомимый в своем стремлении к высоте, и смотрел на синие зубчатые леса, прятал в щелях витых кряжей нехитрые мальчишечьи богатства.

Из этой сосновой крепости, из этих удивительных ворот уходил я когда-то в большой и грозный мир, наивно поклявшись никогда не возвращаться, но чем дальше и быстрее уходил, тем яростней тянуло меня обратно...

Старый наш дом заколочен. Я ставлю полкажу на крыльцо соседки и ступаю в солнечное поле, размышляя о прошлом.

Смешное детство! Оно вписалось в мою жизнь далеким неверным маревом, раскрасило будущее яркими мечтательными мазками. В тот день, когда я уходил из дому, так же, как и сегодня, вызванивали полевые кузнечики, так же лениво парил надо мной ястреб, и только сердце было молодым и не верящим в обратную дорогу.

И вот опять уводит меня к лесным угорам гибельная долгая гать, и снова слушаю я шум летнего леса. Снова торжественно и мудро шумит надо мной старинный хвойный бор, и нет ему до меня никакого дела. И над бором висит в синеве солнце. Не солнце — Ярילו. Оно щедро, стремительно и бесшумно сыплет в лохматую прохладу мхов свои червонцы, а над мхами, словно сморенные за пражей старухи, дремлют смолистые ели; они глухо шепчут порой, как будто возмущаясь щедростью солнца, а может быть, собственным долготием. Под елями — древний запах папоротника. Я иду черной лошадиной тропой, на лицо липнут невидимые нити паутины, с детским беззащитным писком вытес передо мной комары, хотя кусают они совсем не по-детски. Мой взгляд останавливается на красных, в белых накрапах, шапках мухоморов, потом вижу, как дятел, опершись на растопыренный хвост, колотит своим неутомимым носом сухую древесину; в лицо мне хлещут ветки крушины, и вот уже я на сухом месте, и нога едет на скользких иглах.

Загудел в сосенной бронзе сухоросный ветер, и сосны отозвались беззащитным ропотом, и мне кажется, что в их кронах вздыхает огромный богатырь-тугодум, который с наивностью младенца копит свою мощь не себе, а другим. Под это добродушное дыхание, словно из древних веков, нечеткой белопарусной армадой выплывают облачные фрегаты.

Мне кажется, что я слышу, как растет на полях трава, я ощущаю каждую травинку, с маху сдергиваю пропелтые сапоги и босиком выбегаю на рыжий песчаный берег, снова стою над рекой и бросаю лесные шишки в синюю тугую воду, в эту прохладную русалочью постель, и смотрю, как расходятся и умирают водяные круги.

Тихая моя родина, ты все так же не даешь мне стареть и врачуешь душу своей зеленой тишиной! Но будет ли предел тишине!

Как хитрая лисичка, вильнула хвостом моя тропа и затерялась в траве, а я выхожу не к молодым березам, а к белым сказкам моей земли. Омытые июльскими дождями, они стыдливо полощут ветками, приглушая двухтонный, непонятно откуда слышимый голос кукушки: «Ук-ку, ук-ку!» — словно дует кто-то коротко и ритмично в пустую бутылку. И вновь трепетно нарастает березовый шелест.

Я сажусь у теплого стога, курю и думаю, что вот отмахнет время еще какие-то полстолетия, и березы понадобятся одним лишь песням, а песни тоже ведь умирают, как и люди. И мне чудится в шелесте берез укор вечных свидетелей человеческого горя и радости. Веками роднились с нами эти деревья, дарили нашим предкам скрипучие лапти и жаркую, бездмную лучину, растили пахучие венники, розги, полозья, копили певучесть для пастушьих рожков и мстительную тяжесть дубинам...

Я выхожу на зеленый откос и гляжу туда, где еще совсем недавно было так много деревень, а теперь белеют одни березы. Нет,

в здешних местах пожары не часты, и лет пятьсот уже не было нашествий. Может быть, так оно и надо? Исчезают деревни, а взамен рождаются веселые, шумные города... Я обнимаю родную землю, слышу теплоту родимой травы, и надо мной качаются купальницы с лютиками.

Шумят невдалеке сосны, шелестят березы. И вдруг в этот шум вплетается непонятный нарастающий свист, он разрастается, заполняет весь этот тихий зеленый мир. Я смотрю в небо, но серебряное туловище реактивного самолета уже исчезает за горизонтом.

Как мне понять, что это? Или мои слезы, а может быть, выпала в полдень скупая соленая роса?

ЗОВ РОДИНЫ

Сидел я у окна в Тимонихе... Как раз в той позе, как когда-то сидела моя мать Анфиса Ивановна, когда поджидала меня.

Она ждала меня сначала из Азлы деревни Когарихи, где я заканчивал семь классов, потом ждала из Пундого или из станции Харовской, куда я пешком ходил вступать в комсомол. Ждала из Ленинграда, где я служил в армии. Потом частенько ждала из Вологды, еще чаще и нетерпеливей ждала, когда уезжал за границу. Сидит и ждет, бывало, весь световой день, потом и с керосиновой лампой. Но тогда уже приходилось ей уйти от окна. Ждала из Парижа и Рима, куда я часто ездил (в одном Риме бывал раз пять). А мать каждый раз ждала моего возвращения. Кстати, я служил в Красном Селе, где служил и мой отец Иван Федорович. Демобилизовался я, будучи ефрейтором, у отца были какие-то тревогольнички.

Так вот, сидел я у окна в Тимонихе, размышлял о судьбе, глядел на дорогу, где появлялись уже и машины. В детстве главной машиной был велосипед. Если на горизонте появлялся велосипедист, то мы, ребятишки, бежали открывать за гостинец отводок, то есть ворота в деревню.

Дорога раздваивалась, и какое-то время бежала вдоль речки, а за речкой деревня Вахруниха и деревня Артемовская, где меня крестил какой-то бородастый священник (событие описано в моей книге «Час шестый»).

Шурка Федотова, мать-героиня, была убита мужем Арсением, он работал лесником, причем не из ружья убита, а самой обычной лопатой, которой копают картошку. Я разглядывал речку, дома в Вахрунихе и Печихе, дорогу вдоль речки Сохты. И вдруг появилась и впрямь машина. Крытый уазик. Остановились. Из машины вылезли двое мальчишек, один учился в четвертом классе, другой во втором или даже в первом. Появились и вторая машина. Тоже остановилась, вылезли из нее, вроде милиция, но не в форме. Эти быстренько посадили ребятишек к себе или завернули первую машину в обратном направлении, я уже не помню.

Прошло много лет, уже умерла моя мать, караулившая мой приезд целыми днями. Двоих мальчишек отправили обратно в Харовск в интернат, где они воспитывались.

Я знаю, что такое интернат, знаю, как хочется домой. А мальчишки были как раз Шурки Федотовой, которую убил Арсений.

У моей матери была медаль материнства, а Шурка Федотова была матерью-героиней. Мальчишки знали, куда ехали. Они ехали на свою родину...

Арсений-убийца, конечно, угодил в тюрьму. Но что он думал, когда убивал лопатой Шурку? Не знаю. Не знаю да и знать почему-то не хочу. Но что чувствовали два мальчика, путешествующие сквозь дожди и туманы домой, на родину, это я знаю.

Они бежали из интерната. Но бежали домой к убийце отцу. Что такое родной дом, это я хорошо знал. Моего отца убило на войне на фронте, а тут убийца родной отца. Они не дошли до родного дома каких-то трех-четырёх километров, а их завернули обратно в интернат.

А у меня в глазах каждый дом в Тимонихе, откуда выходила Шурка Федотова замуж. В деталях вижу и дом в деревне Алферовской, наконец, знаю и дом в деревне Дружинине, где Шурку постигла злая женская доля. А убийца Арсений что, я видел, как он вернулся из тюрьмы. Ему что, отсидел свое и шито-крыто. А Шурки-то нет... А Сталин знал, что делал, возвел Шурку в герои, хорошо знал...

А я, грешный, любой власти могу предьявить материнскую медаль материнства. Хоть Горбачеву, предателю, хоть Иуде Ельцину, хоть нынешнему президенту Путину. Мне не стыдно ни за отца, ни за мать.

Адрес издания: literator35.ru	Главный редактор А.А. Цыганов. Редакционная коллегия: С.П. Багров, Р.А. Балакшин, В.Н. Бараков, М.И. Карачёв, О.И. Ларионов, Ю.М. Максин, О.А. Фокина.	Тираж издания 300 экз. В розницу цена свободная.	Номер сверстан и отпечатан в ООО ПФ «Полиграф-Периодика». ИНН 3525134271. Россия, 160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3. Зак. 7889. Подписан в печать по графику: в 12.00, фактически – 08.10.2021 г. в 12.00. Выход в свет – 12.10.2021 г.
Адрес электронной почты: ioann-772006@yandex.ru	Редакция в переписку с авторами не вступает, рукописи не рецензирует и не возвращает. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.	Издание Вологодского регионального отделения общероссийской общественной организации «Союз писателей России».	
Издание подготовлено к печати при поддержке В.Е. Позгалева.		Адрес: 160000, г. Вологда, ул. Герцена, 36.	